

INSPIRIA

МЕГАН МИРАНДА

«ЖИВОПИСНЫЙ ОТДАЛЕННЫЙ
ГОРОДОК СТАЛ ИДЕАЛЬНОЙ СЦЕНОЙ
ДЛЯ СРЫВА ПОКРОВОВ»

BOOKLIST

ПОСЛЕДНЯЯ ГОСТЬЯ

INSPIRIA

Меган Миранда

Последняя гостя

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Миранда М.

Последняя гостя / М. Миранда — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-112718-3

Всю свою жизнь Эйвери провела в крохотном городке Литтлпорт, в Мэне. И кто бы мог подумать, что ей суждено подружиться с Сэди, состоятельная семья которой владеет почти всем Литтлпортом. Каждое лето Сэди приезжает в Мэн, и долгие годы девушки – не разлей вода... До того вечера, как тело Сэди находят под обрывом. Поначалу все кажется очевидным – суицид. Однако, чем дальше движется расследование, тем больше страшных секретов всплывают на поверхность. И как Эйвери добиться справедливости для Сэди, когда она вот-вот станет главной подозреваемой в убийстве? От автора бестселлеров New York Times: новый захватывающий триллер Меган Миранды сможет свести с ума каждого. Когда сталкиваются два мира – богатый городской и тихий провинциальный – обостряются углы и усиливаются контрасты. Эйвери и Сэди – представительницы этих двух совершенно разных миров, но это не мешало им быть самыми близкими подругами на свете... До того дня, как тело Сэди не находят под обрывом. Эйвери не готова поверить, что это суицид – она знает, что Сэди бы так не поступила. Но помогать расследованию и брать дело в свои руки становится крайне проблематично, когда Эйвери оказывается главной подозреваемой в убийстве.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-112718-3

© Миранда М., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Лето	8
Вечеринка «плюс одна»	8
Лето	15
Глава 1	16
Глава 2	20
Глава 3	27
Глава 4	32
Глава 5	39
Лето	43
Вечеринка «плюс одна»	43
Лето	48
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Меган Миранда Последняя гостья

МЕГАН МИРАНДА ПОСЛЕДНЯЯ ГОСТЬЯ

INSPIRIA
Москва
2021

Посвящается Рейчел.

Лето 2017

Вечеринка «плюс одна»

Я чуть было не съездила за ней. Когда она так и не появилась. Когда не отвечала на звонки. Когда оставила без внимания мою эсэмэску.

Но были выпивка, другие машины, которые заперли мою, и обязательства – мне полагалось приглядывать, как там дела. От меня ждали, что вечер пройдет как по маслу.

И вообще, она подняла бы меня на смех за то, что я вернулась. Закатила бы глаза. Сказала: «Эйвери, одна мать у меня уже есть».

Да, знаю – все это отговорки.

* * *

На высокий берег я прибыла первой.

В этом году для вечеринки выбрали сдающийся в аренду дом в тупике – с тремя спальнями, стоящий в самом конце длинной, обсаженной деревьями улицы, такой узкой, что на ней едва хватало места разъехаться двум машинам. Ломаны дали ему название «Голубая мухоловка» за обшитые внахлест бледно-голубыми досками стены и крышу со скатами, как на птичьей кормушке. Хотя мне казалось, что скорее за то, как он отодвинут от дороги за деревья и видится цветным пятном, если приблизиться к нему вплотную сбоку, но издалека его не заметишь, пока не подойдешь.

Место далеко не лучшее, вид из окон тоже – океан слишком далеко, чтобы его увидеть, но достаточно близко, чтобы постоянно его слышать, – зато наиболее удаленное от мини-отеля типа «ночлег и завтрак» дальше по той же улице, вдобавок с патио в окружении густой вечно-зеленой растительности, так что при определенном везении никто бы ничего не заметил и не нажаловался.

Так или иначе, все летние дома Ломанов, сдающиеся в аренду, внутри выглядят одинаково. И порой я, показав очередной такой дом потенциальным клиентам, на выходе внезапно терялась: качели на веранде вместо каменных ступеней крыльца, океан вместо гор. В каждом доме – одна и та же плитка на полу, гранит одинакового оттенка, одно и то же сочетание стилей, рустикального с люксовым. Стены повсюду украшены панорамами Литтлпорта: маяк, лес пляшущих белых мачт на пристани, белопенные гребни волн, бьющихся о скалы на обоих берегах бухты. Так называемый затопленный, или «далматинский», берег – вытянутые, как пальцы, участки суши, поднимающиеся из океана; каменистое побережье в попытках отстоять свои позиции, несмотря на прибой; острова, появляющиеся и пропадающие вдалеке в лад приливу.

Да, до меня дошло – зачем они, эти поездки на длинные выходные из больших городов или временные переселения на лето; откуда статус исключительности у местечка, которое кажется таким крошечным и непритязательным. До этого городка, отвоеванного у нетронутой глуши, с горами по одну сторону и океаном по другую, добраться можно было лишь одним способом: по единственной береговой дороге, набравшись терпения. Он существовал за счет одного только упрямства в чистом виде, оттесняя наседающую с обеих сторон природу.

Вырасти здесь означало жить с ощущением, что закалился и приобрел те же черты характера.

Я выставила привезенные из большого дома остатки спиртного на гранитный кухонный стол-островок, убрала с глаз долой хрупкие интерьерные украшения, включила подсветку бассейна. Затем налила себе выпить и уселась в патио за домом, прислушиваясь к шуму океана. Зябкий осенний ветер зашуршал среди деревьев, я поежилась и плотнее запахнула куртку.

Эта ежегодная вечеринка всегда балансировала на грани – последний бой против смены времен года. Зима, темная и нескончаемая, глубоко укоренялась здесь. Она переходила в наступление, едва только уезжали отдыхающие.

Но сначала предстояло сегодняшнее событие.

Еще одна волна разбилась о берег вдалеке. Я закрыла глаза, отсчитывая секунды. Ожидая.

Мы собирались здесь сегодня вечером, чтобы проводить сезон летнего отдыха, но его уже смыло волнами и без нашего разрешения.

* * *

Лусиана явилась, как раз когда вечеринка набрала разгон. Я не видела, как она вошла – только когда она уже мялась в нерешительности одна среди кухни. И выделялась, рослая и неподвижная в самой гуще суеты, словно вбирая ее в себя. Ее первая вечеринка «плюс одна». Такая непохожая, как мне было известно, на вечеринки, которые она посещала все лето, – оказанный ей радушный прием в мире летнего отдыха в Литтлпорте, штат Мэн.

Я тронула ее за локоть, почему-то до сих пор холодный. Она вздрогнула, обернулась и шумно вздохнула, будто обрадовалась мне.

– Не совсем то, чего я ожидала, – призналась она.

Оделась она слишком тщательно, не по случаю. Завивка, элегантные брюки, шпильки. Будто собиралась на стильный бранч.

Я улыбнулась.

– Сэди с тобой?

И я оглядела комнату в поисках знакомой светлой головки с пробором посередине, с заплетенными на висках и скрепленными на затылке заколкой тонкими косицами – прическа детища новой эры. Привстала на цыпочки, пытаюсь различить в шуме ее смех.

Лус покачала головой, темные волны ее волос скользнули по плечам.

– Нет, она, наверное, еще укладывает вещи. Меня подвез Паркер. Сказал, что хочет оставить машину у мини-отеля, чтобы нам потом было легче выбраться, – она указала в сторону мини-отеля «Мыс», перестроенного викторианского особняка с восемью спальнями у самого края высокого берега, здания со множеством башенок и огороженной террасой. Оттуда открывался вид почти на весь Литтлпорт – во всяком случае, на его значимые детали, от пристани до песчаной полосы Брейкер-Бич с ее выдающимися в море утесами, где на самой северной оконечности города жили Ломаны.

– Не стоило ему парковаться там. – Я сразу взялась за телефон. Нечего и надеяться на то, что хозяева мини-отеля не заметят, если все будут оставлять машины у них на стоянке.

Лус пожала плечами. Паркер Ломан делал что ему заблагорассудится и никогда не задумывался о последствиях.

Я поднесла телефон к уху. Гудки едва были слышны сквозь музыку, пришлось прикрыть трубку сложенной ковшиком ладонью.

«Привет, вы позвонили Сэди Ломан...»

Я отключилась, сунула телефон обратно в карман и протянула Лус красный пластиковый стаканчик.

– Держи, – сказала я, хотя вообще-то мне хотелось воскликнуть: «Господи, да расслабься ты наконец», но я и без того уже вышла за рамки моих обычных разговоров с Лусианой Суарес.

Она нерешительно взяла стаканчик, а я принялась поворачивать этикетками к себе полупустые бутылки, разыскивая виски, который, как я знала, она предпочитает. Вот это мне в ней по-настоящему нравилось.

Я плеснула ей виски, она нахмурилась и произнесла:

– Спасибо.

– Не за что.

Мы провели вместе целый сезон, а она так и не определилась со своим отношением ко мне – обительнице гостевого дома рядом с загородной резиденцией ее бойфренда. Друг она или враг. Союзник или противник.

Наконец она, похоже, приняла какое-то решение, потому что придвинулась ко мне, словно собираясь поделиться секретом.

– И все же я что-то не въезжаю.

Я усмехнулась.

– Въедешь.

Сомнениями насчет вечеринки «плюс одна» она терзалась с тех пор, как услышала о ней от Паркера и Сэди; ей объяснили, что ради этой вечеринки не уедут вместе с родителями в выходные перед Днем труда, а задержатся еще на неделю после окончания летнего сезона. Одна ночь, последняя для тех, кто пробыл здесь со Дня поминовения до Дня труда¹ – то есть все недели, составляющие летний сезон, плюс еще одну. Бурный всплеск в жизни тех, кто живет здесь круглый год.

В отличие от вечеринок, на которые Ломаны возили ее все лето, на этой не было ни банкетной службы, ни официанток, ни барменов. Вместо них – пестрая компания оставшихся отдыхающих, которая опустошала комнатные бары, холодильники и кладовки. Никакого сходства. Все не так. Ночь излишеств, затяжное прощание, девять месяцев, чтобы забыть и надеяться, что забудут и все остальные.

Вечеринка «плюс одна» была эксклюзивной и вместе с тем нет. Список приглашенных отсутствовал. Кто знал о ней, тот и пришел. Взрослые, скованные неиллюзорным долгом, к тому времени уже вернулись к привычной жизни. У детей помладше началась учеба, родители уехали вместе с ними. Так что остался промежуточный возраст. Студенты и выпускники, еще не обремененные жизненными обязательствами. И не изнуренные ими.

Сегодняшний вечер уравнил нас, и теперь по виду уже нельзя было определить, кто местный, а кто в гостях. Такими мы и притворялись: в раздетом виде все мы одинаковы.

За последние пару минут Лус взглянула на свои изящные золотые часики дважды, каждый раз поворачивая их туда-сюда на тонком запястье.

– Боже, – пробормотала она, – что он там застрял.

* * *

Паркер прибыл последним и без труда высмотрел нас еще с порога. Все обернулись в его сторону, как обычно и бывало, стоило Паркеру Ломану войти в комнату. С таким расчетом он и вел себя, оттачивал в себе надменность, предназначенную для того, чтобы держать окружающих в напряжении.

– Машину заметят, – сказала я, когда он подошел к нам.

Наклонившись, он обнял одной рукой Лус.

– Вечно ты загоняешься, Эйвери.

¹ С последнего понедельника мая по первый понедельник сентября. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Я и вправду загонялась, но только потому, что он вообще не задумывался, как воспринимает его другая сторона – местные жители, которым нужны и в то же время неприятны такие люди, как он.

– Где Сэди? – попыталась перекричать музыку я.

– А я думал, ты ее подвезешь, – он пожал плечами, потом посмотрел куда-то вдаль поверх моего плеча. – Меня она заранее предупредила, чтобы я ее не ждал. Наверное, на ее языке это значит «не поеду».

Я покачала головой. Сэди не пропускала тусовки «плюс одна» с тех пор, как мы начали бывать на них вместе, с того самого лета, как нам исполнилось восемнадцать.

Ранее в тот же день она без стука распахнула дверь гостевого дома, позвала меня по имени уже из комнаты, потом еще раз, входя в мою спальню, где я сидела с открытым ноутбуком поверх белого стеганого одеяла, одетая в пижамные шорты и термофутболку с длинными рукавами, скрутив волосы в пучок на макушке.

Она была уже одета для выхода, а я все еще подбивала задачи по своей работе, которая заключалась в управлении объектами недвижимости в обширной компании Гранта Ломана, занятой застройкой. Сэди в голубом платье-комбинации и золотых сандалиях из ремешков подбоченилась так, что под тканью проступила косточка на бедре, и спросила: «Ну и какого мы об этом мнения?» Платье плотно облегало каждый изгиб.

Я откинулась на подушки и согнула колени, решив, что она задержится. «Ты ведь понимаешь, что задубеешь?» – спросила я. В последние несколько вечеров температура резко падала – предвестие повального бегства, как называли его местные. Через неделю в ресторанах и магазинах на Харбор-драйв изменится режим работы, ландшафтные дизайнеры переквалифицируются в школьный персонал и водителей автобусов, а молодняк, подрабатывающий официантками и палубными матросами, отвалит на склоны Нью-Гэмпшира вкалывать лыжными инструкторами. Для нас, местных, высасывать лето до последней капли было привычным делом, как запастись водой накануне засухи.

Сэди закатила глаза. «Одна мать у меня уже есть», – напомнила она, но сунулась в мой шкаф и натянула шоколадно-коричневый свитер, кстати сказать, принадлежавший ей. И одним махом превратила свой наряд в идеальное сочетание шика с повседневностью. Легко. И с разгону ринулась к двери, теребя концы волос и расплескивая энергию.

К чему еще она могла готовиться, если не к вечеринке?

Открытые двери, ведущие в патио, я увидела, что Коннор сидит на бортике бассейна, болтая в воде босыми ногами в закатанных джинсах, и его подсвечивает снизу голубоватое сияние. Я чуть было не подошла к нему и не спросила, не видел ли он Сэди, но только потому, что выпивка пробудила во мне ностальгию. Однако даже в таком состоянии я вовремя одумалась. Он заметил, что я глазею на него, и я отвела взгляд. Просто не ожидала увидеть его здесь, вот и все.

Я достала мобильник и набрала Сэди эсэмэску: «Ты где?»

И, пока смотрела на экран, увидела мигающие точки: она пишет ответ. Но точки перестали мигать, а сообщение так и не появилось.

Я отправила еще одно: «???»

Нет ответа. Напрасно проглазев на экран еще минуту, я сдалась и убрала телефон, решив, что она уже в пути, что бы там ни говорил Паркер.

В кухне кто-то танцевал. Паркер смеялся, запрокидывая голову. Творилось волшебство. На мою спину легла рука, я закрыла глаза, прислоняясь к ней и переставая быть собой.

Так все обычно и происходило.

* * *

К полуночи все вокруг стало бессвязным и туманным, воздух в комнате загустел от жары и смеха, несмотря на открытые двери. Паркер, стоя у самого патио, поймал мой взгляд поверх голов и еле заметно кивнул в сторону входной двери. Предупреждая меня.

Я посмотрела в ту же сторону, куда и он. В проеме открытой двери стояли двое полицейских, и холодный сквозняк, пронесшийся через всю комнату, быстро отрезвил нас. Полицейские были с непокрытыми головами, словно желали слиться с толпой гостей. Я сразу поняла, что с ними придется иметь дело мне.

Дом был записан на Ломанов, но я указана в качестве управляющего. И что еще важнее, от меня ждали умения ориентироваться в обоих здешних мирах, будто я входила и в тот, и в другой, хотя на самом деле не принадлежала ни к одному из них.

Этих двоих мужчин я узнала, но не настолько хорошо, чтобы выудить из памяти их имена. За вычетом летних отдыхающих численность населения Литтлпорта не дотягивала и до трех тысяч человек. Было ясно, что и полицейские меня узнали. Между восемнадцатью и девятнадцатью годами я только и делала, что влипала в неприятности, а судя по возрасту, эти полицейские вполне могли помнить то время.

Я не стала дожидаться от них претензий.

– Прошу прощения, – заговорила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и твердо. – Я прослежу, чтобы шум был не слишком сильным. – Одновременно я подавала знак убавить громкость, не адресуясь ни к кому конкретно.

Но полицейские пропустили мои извинения мимо ушей.

– Мы ищем Паркера Ломана, – сообщил тот, что был пониже ростом, и оглядел толпу. Я обернулась к Паркеру, который уже начал пробираться между гостями, двигаясь в нашу сторону.

– Паркер Ломан? – спросил полицейский, который был ростом выше напарника, дождавшись, когда Паркер приблизится. Само собой, им и так было известно, что это он.

Паркер кивнул, выпрямив спину.

– Чем могу помочь, джентльмены? – осведомился он, с ходу взяв деловитый тон, хоть на лоб ему падала прядь темных волос, а лицо лоснилось от пота.

– Нам надо поговорить с вами снаружи, – сообщил высокий полицейский, и Паркер, миротворец по натуре, понял, что лучше не спорить.

– Конечно, – кивнул он, но не сдвинулся с места. – Можно сначала узнать, о чем речь?

Он знал, когда можно и побеседовать, а когда надо сразу требовать адвоката. И заранее держал в руке мобильник.

– О вашей сестре, – ответил полицейский, и его напарник отвел глаза. – О Сэди.

Он жестом подозвал Паркера ближе и понизил голос, так что я не разобрала ни слова, но все вдруг изменилось: поза Паркера, выражение его лица, безвольно повисла рука с телефоном. Я подступила ближе, у меня в груди что-то затрепыхалось. И успела услышать обрывок последней фразы:

– ...в последний раз, когда вы видели ее, как она была одета?

Паркер прищурился.

– Я не... – Он обернулся, обвел взглядом комнату, словно ожидал увидеть в ней Сэди, проскользнувшую незамеченной.

Смысл вопроса я не поняла, но ответ знала.

– В голубое платье, – сказала я. – Коричневый свитер и золотые сандалии.

Мужчины в форме быстро переглянулись и посторонились, разрешая мне присоединиться к разговору.

– Какие-нибудь особые приметы?

Паркер зажмурился.

– Подождите! – попросил он, словно рассчитывал повернуть разговор, предотвратить неизбежный ход последующих событий.

– Да, у нее есть – верно же? – послышался голос Лус. А я и не заметила, что она стоит рядом, за спиной Паркера. Волосы она откинула назад, ее макияж слегка поплыл, под глазами появились темные круги. Лус шагнула вперед, взглядами спрашивая подтверждение поочередно у меня и у Паркера. И кивнула уже увереннее. – Татуировка. Вот здесь, – и она показала на своем теле место слева, возле самого выступа тазовой косточки. Пальцем она нарисовала восьмерку, лежащую на боку, – символ бесконечности.

Полицейский сжал челюсти, тут-то твердая земля разом и ушла из-под наших ног.

Мы на время стали сорванными с якоря утлыми лодчонками в океане, я ощутила приступ той самой морской болезни, от которой, особенно ночью на воде, так и не избавилась, даром что выросла на побережье. В сбивающем с толку мраке, начисто лишенном ориентиров.

Полицейский, который был повыше, накрыл ладонью руку Паркера.

– Вашу сестру нашли на Брейкер-Бич...

Вся комната загудела, Лус зажала обеими руками рот, а я по-прежнему гадала, не ослышалась ли я. С какой стати Сэди понесло на Брейкер-Бич? Мысленно я увидела ее танцующей босиком. На спор окунающейся голышом в ледяную воду. Ее лицо в отсветах пламени костра, какие мы разводили из коряг, выброшенных на берег.

За нами вечеринка отчасти продолжалась, но не так шумно. Музыка вырубилась.

– Позвоните своим родителям, – продолжал полицейский. – Нам надо доставить вас в участок.

– Нет, – перебила я, – она...

«Укладывает вещи. Собирается. Уже в дороге». Глаза полицейского раскрылись шире, он посмотрел вниз, на мои руки. Они цеплялись за его рукав так крепко, что побелели кончики пальцев.

Я разжала пальцы, отступила на шаг и наткнулась на кого-то. Мигающие точки на моем телефоне – она же писала мне. Полицейские наверняка ошиблись. Я вытащила телефон, чтобы проверить. Но мои вопросительные знаки так и остались без ответа.

Паркер протолкался к входной двери и исчез из виду, огибая дом и направляясь по тропе к мини-отелю. В суматохе нас было не удержать. Мы с Лус бросились следом за Паркером, петляя между деревьями, наконец догнали его на усыпанной гравием парковке и втиснулись к нему в машину.

Проезжая мимо темных витрин на Харбор-драйв, мы слышали лишь время от времени сбивающееся дыхание Лус. Едва мы приблизились к повороту у Брейкер-Бич, я прильнула к окну: впереди мельтешили огни мигалок, въезд на стоянку перегородили полицейские машины. Но за дюнами стоял на страже еще один полицейский, светящимся жезлом подающий нам знаки проезжать мимо.

Паркер даже не сбавил скорость. Он повел машину вверх по склону Лэндинг-лейн и к темному дому в конце улицы, за обложенной камнями подъездной дорожкой.

Остановив машину, Паркер направился напрямик в дом – или все еще не верил и спешил найти Сэди, или хотел позвонить родителям так, чтобы его никто не слышал. Лус медленно поднялась следом за ним на крыльцо, но, перед тем как скрыться, оглянулась через плечо на меня.

Спотыкаясь, я брела вдоль дома и держалась рукой за стену, чтобы не упасть; свернула за угол, миновала черную калитку в ограде вокруг бассейна и направилась по тропе к утесам за домом. Тропа продолжалась, повторяя очертания края утесов, пока вдруг не обрывалась

у северной оконечности Брейкер-Бич. Но оттуда вырубленные в камне ступени спускались к песчаной полоске пляжа.

Мне хотелось увидеть пляж своими глазами, чтобы поверить. Хотелось посмотреть, что делает полиция там, внизу. Выяснить, не спорит ли с ними Сэди. Все ли мы правильно поняли. Но уже тогда я догадывалась, что надежды мало. Этот город только и делал, что отнимал у меня близких людей. А я расслабилась, успокоилась и совсем забыла об этом.

Я слышала плеск волн, бьющихся о скалы слева от меня, и без труда представляла себе, как пенится здесь внизу вода при свете дня. Но вокруг было темно, я ориентировалась лишь по звуку. Вдалеке на мысу периодически вспыхивал вращающийся фонарь маяка, и я брела на этот свет, как в трансе.

Впереди на тропе, вьющейся сверху по утесам, задвигались тени. Мне в лицо направили луч фонарика, пришлось вскинуть руку, прикрывая глаза. Черная человеческая фигура шагнула ко мне, послышался треск помех из рации.

– Мэм, вам сюда нельзя, – заявил незнакомец.

Фонарь отвели в сторону, тогда-то я и увидела их мелькнувшими в луче света и почувствовала, как земля качнулась под ногами.

Знакомую пару золотых сандалий из ремешков, брошенных у самого края утеса.

Лето 2018

Глава 1

В сумерках поодаль от берега разыгрался шторм. Я узнала о его приближении по грозовому валу туч, нависших над самым горизонтом. Почувствовала его в ветре, дующем с севера и более холодном, чем вечерний воздух. В прогнозе погоды ни о чем таком не упоминали, но летней ночью в Литтлпорте это ничего не значило.

Я отступила от края утеса и, как часто бывало, представила стоящей здесь не меня саму, а Сэди. Ветер трепал ее голубое платье, швырял ей в лицо светлые волосы, она жмурилась. Зацепившись пальцами ног за край каменного карниза, она медленно переносила вес тела. Как рычаг с точкой опоры, на которой балансировала ее жизнь.

Мне часто представлялись последние слова, которые она писала мне, стоя на самом краю: «Есть вещи, о которых даже ты не знаешь».

«Больше я так не могу».

«Помни меня».

Но в конечном итоге молчание выглядело идеальным и трагичным, в духе Сэди Ломан, заставляя всех желать большего.

* * *

Обширные владения Ломанов когда-то казались мне теплым и уютным домом: каменный цоколь, серовато-голубая обшивка досками, белые дверные косяки и наличники, а по ночам во всех окнах загорался свет, и дом словно оживал. Теперь же был низведен до состояния темной и пустой оболочки.

Зимой не составляло труда делать вид, будто все в порядке: отслеживая состояние объектов недвижимости по всему городу, координируя бронирование на будущий сезон, наблюдая за новой застройкой. Я привыкла к затишью мертвого сезона, к его затяжному спокойствию. Но во время летней суеты с постояльцами, из-за необходимости всегда быть на связи, да еще с приклеенной улыбкой, любезным и дружелюбным тоном, контраст с домом становился слишком уж резким. От осязаемого отсутствия призраков на периферии зрения.

Теперь каждый вечер я шла мимо большого дома по пути к гостевому и краем глаза замечала то, от чего оборачивалась, чтобы присмотреться, – неявное шевеление. И на ужасный и прекрасный миг думала: *Сэди*. Но в темных окнах видела лишь одно – собственное искаженное отражение, глазеющее на меня. Мой личный неотвязный призрак.

* * *

Первые дни после смерти Сэди я держалась отчужденно, приближалась, только когда меня звали, говорила, когда ко мне обращались. Смысл имело все и в то же время не имело ничего.

Свои вымученные показания о том вечере я дала двум мужчинам, которые постучались ко мне следующим утром. Следствие поручили тому же детективу, который нашел меня на утесах накануне ночью. Его фамилия была Коллинз, все самые острые вопросы исходили от него. Ему хотелось знать, когда я в последний раз видела Сэди (здесь, в гостевом доме, около полудня), сообщала ли она мне о своих планах на этот вечер (нет, не сообщала), как она вела себя в тот день (как было свойственно Сэди).

Но в своих ответах я неестественным образом притормаживала, словно нарушилась некая связь. Во время допроса я слышала себя будто издалека.

«Вы, Лусиана и Паркер прибыли на вечеринку по отдельности. Еще раз: как это происходило?»

«Я появилась там первой. Следующей – Лусиана. Паркер прибыл последним».

В этом месте возникла пауза.

«А Коннор Харлоу? Мы слышали, он присутствовал на вечеринке».

Кивок. Миг молчания. «Коннор тоже был там».

Я рассказала им про сообщение, показала свой телефон, заверила, что Сэди как раз писала мне, когда все мы уже находились вместе на вечеринке. «Сколько порций спиртного вы к тому времени выпили?» – спросил детектив Коллинз. Я ответила, что две, имея в виду три.

Он вырвал лист линованной бумаги из своего блокнота, написал в столбик наши имена и попросил как можно точнее указать время прибытия каждого из нас. Для Лус я определила его, сориентировавшись по времени моего звонка Сэди, для Паркера – по времени, когда я отправляла эсэмэску и спрашивала, где она.

«Эйвери Грир – 18:40

Лусиана Суарес – 20:00

Паркер Ломан – 20:30

Коннор Харлоу –?»

Как пришел Коннор, я не видела, и нахмурилась, уставившись на список. «Коннор был раньше Паркера. Но когда именно, не уверена», – сказала я.

Детектив Коллинз повернул лист из блокнота к себе и пробежал взглядом список. «Большой получается разрыв между вами и следующим пришедшим».

Я объяснила, что занималась подготовкой к вечеринке. И сказала, что те, кто в первый раз, всегда приходят рано.

Расследование продолжалось – педантично и по существу, что наверняка оценили Ломаны, с учетом всех обстоятельств. Дом стоял темным с тех пор, как Гранту и Бьянке позволили среди ночи с известием о смерти Сэди. Когда перед Днем поминовения появились фургончики из клининговой компании и из службы чистки бассейнов – смахивать паутину, полировать кухонные столы, приводить бассейн в порядок, – я наблюдала за ними из-за занавесок в гостевом доме и думала, что Ломаны, возможно, вернуться. Они не из тех, кто заикливается на сентиментальности или неопределенности. А из тех, кто ставит во главу угла обязательства и факты, о чем бы они ни свидетельствовали.

Факты же были таковы: никаких признаков насильственной смерти. Никаких следов наркотиков и алкоголя в ее организме. Никаких расхождений в показаниях. Казалось, ни у кого не было ни мотива, ни возможности причинить вред Сэди Ломан. Все, кто поддерживал отношения с ней, в момент ее смерти находились на вечеринке «плюс одна».

Трудно было одновременно скорбеть и создавать себе алиби. Так и подмывало обвинить кого-нибудь другого, лишь бы выгородить себя. Это было бы так просто. Но никто из нас ничего подобного не сделал, и мне казалось, это свидетельствовало в пользу самой Сэди. Говорило о том, что никому из нас и в голову не пришло бы желать ей смерти.

Официальной причиной смерти назвали утопление, но выжить после падения с такой высоты было бы невозможно – из-за камней и течения, силы удара и холода.

Она могла оступиться, сказала я детективам. В это мне отчаянно хотелось верить. В то, что я ничего не упустила. Не заметила ни сигнала, на который могла бы отреагировать, ни момента, когда могла бы вмешаться. Но обувь сразу же заставила их выдвинуть другое предположение. Преднамеренный шаг. Оставленные золотые сандалии. Словно по пути к краю утеса она остановилась, чтобы расстегнуть их ремешки. Сделала паузу, прежде чем продолжить.

Я продолжала сомневаться, даже когда смирились ее родные. Сэди была моей опорой, моей сообщницей, силой, которая столько лет подряд приводила в движение мою жизнь. Сто-

ило мне представить ее, прыгнувшей вниз, и мир вокруг давал опасный крен – в точности так, как другой, давней ночью.

Но позднее тем вечером, после допросов, в ведре на кухне нашли записку. Вероятно, она попала туда вместе с мусором, содержимым опустошенных шкафов, сваленным на столах, – его смахнула в ведро Лус в попытке навести хоть какое-то подобие порядка до прибытия в разгар ночи Гранта и Бьянки. Но, если знать Сэди, вероятнее всего, это был черновик, который она передумала оставлять – из-за приверженности фактам, недостижимой для слов.

Я не заметила никаких предостережений. Никакой причинно-следственной связи, которая привела Сэди к тому моменту. Но я знала, в какой стремительный штопор способно увлечь падение и какой далекой кажется со дна поверхность воды.

Я точно знала, на что способен Литтлпорт.

* * *

Теперь здесь, на утесах, я осталась одна.

И по-прежнему жила и работала в гостевом доме.

Внутри это строение с одной спальней было отделано как кукольный вариант большого дома – теми же стенными панелями и полами из темного дерева. Но стены здесь обступали теснее, потолки нависали ниже, оконные рамы были тоньше, так что по ночам дребезжали от ветра. Панораму океана частично заслоняли деревья.

Я сидела в гостиной за письменным столом и заканчивала последнюю бумажную работу перед сном. Ранее на этой неделе обстановке одного из домов, сдающихся в аренду, был нанесен ущерб – сломали телевизор с плоским экраном, который сильно потрескался и криво висел с укрепленной на стене подставки, вдобавок разбилась вдребезги керамическая ваза, стоявшая под телевизором. Арендаторы уверяли, что это не они, утверждали, что кто-то проник в дом во время их отсутствия, хотя ничто из вещей не пропало и следов взлома не обнаружилось.

Я отправилась туда сразу же после того, как они в панике позвонили мне. Осмотрела место происшествия, пока они дрожащими руками указывали на нанесенный урон. Этот узкий, потрепанный стихиями дом, который мы называли «Конец тропы», стоял у окраины делового центра города, поблекшая обшивка стен и заросшая тропа к берегу лишь прибавляли ему шарма. Теперь же арендаторы указывали на неосвещенную тропу и удаленность от соседей как на недочеты в системе безопасности, потенциальные угрозы.

Они твердили, что перед уходом в тот день заперли дом. В этом они были уверены, подракумевая, что в случившемся каким-то образом виновата я. Неоднократного упоминания этого факта – «мы же заперли двери, мы всегда их запираем» – хватило мне, чтобы не поверить им. Или задуматься, не пытаются ли они таким способом замаскировать нечто более зловещее – вроде ссоры со швырянием вазы туда-сюда, пока она наконец не угодила прямо в телевизор.

Что ж, так или иначе, ущерб нанесен. У компании недостаточно оснований, чтобы предъявить иск, тем более семье, которая приезжала сюда в августе на целый месяц последние три года. Что бы там ни произошло в этих стенах.

Прежде чем уйти в спальню, я потянулась на диване и пошарила в поисках пульта. У меня вошло в привычку засыпать при включенном телевизоре. Под приглушенные голоса из соседней комнаты и негромкое дребезжание оконной рамы.

Я пережила достаточно потерь, чтобы знать, что горе со временем утрачивает остроту, но воспоминания лишь сжимают тиски. Воспроизводятся моменты.

Едва становилось тихо, я слышала только голос Сэди, зовущий меня по имени – так, как она сделала, когда вошла. В последний раз, когда я видела ее.

Иногда в моих воспоминаниях она медлит там, на пороге моей комнаты, словно ждет, когда я замечу нечто.

* * *

Меня разбудила тишина.

Было еще темно, но невнятный шум телевизора пропал. Только дребезжала оконная рама под порывом ветра, налетевшего со стороны океана. Я щелкнула кнопкой лампы на тумбочке у кровати, но ничего этим не добилась. Опять отключили электричество.

В последнее время такое случалось чаще, и всегда ночью, когда мне приходилось искать фонарик, чтобы включить предохранитель на щитке возле гаража. Вот она, расплата за жизнь в таком городе. Да, единственном в своем роде. Но слишком удаленном от мегаполисов и слишком уязвимым для окружения. Инфраструктура на побережье не поспевает за спросом, несмотря на все затраты. Многие держат резервные генераторы для зимы, на всякий случай; хорошего шторма достаточно, чтобы отрезать нас от благ цивилизации не меньше, чем на неделю. Другая крайность – летние отключения электроэнергии: народу становится слишком много, население увеличивается втрое. Все коммуникации едва справляются. Сети перегружены.

Но, насколько я могла судить, сегодняшнее отключение было локальным – только у меня. Пожалуй, стоило бы вызвать по этому поводу электрика.

Послушав завывания ветра снаружи, я чуть было не решила повременить до утра, вот только мобильник почти разрядился, а мне не нравилась мысль, что я останусь здесь совсем одна без электричества, да еще и без связи.

Ночь оказалась холоднее, чем я рассчитывала, и я, сжимая в руке фонарик, рысью направилась по тропе к гаражу. Металлическая дверца щитка была холодной на ощупь и слегка приоткрытой. Она запиралась, но я сама отжала язычок замка месяцем раньше, во время первого такого же отключения.

Я щелкнула общим тумблером и закрыла дверцу, на этот раз проверив, что замок защелкнулся.

Очередной порыв ветра налетел, когда я повернула к дому, и грохот двери, захлопнувшейся в ночи, заставил меня похолодеть. Звук донесся со стороны большого дома по другую сторону от гаража.

Я мысленно перебрала возможные объяснения: ветер опрокинул шезлонг у бассейна или подхватил какой-то мусор и швырнул его об стену дома. А может, я сама забыла об осторожности и оставила незапертой какую-то из задних дверей.

Сейф с запасными ключами прятался под каменным козырьком веранды. Набирая код непослушными пальцами, я дважды сбилась, прежде чем дверца наконец открылась.

Еще один порыв ветра, снова грохот, на этот раз ближе, скрип петель калитки, эхом разносшийся в ночи, пока я взбегала по ступеням на веранду.

Неладное я заподозрила сразу же, едва вставила ключ в замок – он был уже отперт. Дверь скрипнула и открылась, я зашарила ладонью по стене у двери, отыскала выключатель, и прихожую залил свет потолочной люстры.

Тогда-то я и увидела ее – за прихожей и холлом, в глубине дома. Тень человека на фоне застекленных дверей патио, освещенных снаружи луной.

Ахнув, я попятилась, отступила назад, и как раз в этот момент он сделал шаг вперед.

Этот силуэт я узнала бы где угодно. Паркер Ломан.

Глава 2

– Господи! – Я продолжала водить ладонью по стене в поисках остальных выключателей. – Ты меня до смерти напугал. Что ты здесь делаешь?

– Это мой дом, – напомнил Паркер. – А что здесь делаешь *ты*?

К тому времени свет был включен повсюду. Во всем огромном пространстве нижнего этажа с его сводчатыми потолками и холлом, протянувшимся между Паркером и мной.

– Услышала шум, – и я подняла фонарик, словно в доказательство.

Паркер склонил голову набок знакомым движением, словно согласился с чем-то. У него отросли волосы, а может, он стал причесываться по-другому. Но благодаря этому очертания его лица смягчились, скулы слегка сгладились, и, когда он обернулся, на секунду я увидела в нем отражение Сэди.

Он сменил позу, и Сэди исчезла.

– Не ожидал, что ты все еще здесь, – сказал он. Как будто весь прошлый год их местный бизнес работал исключительно по инерции. Я чуть было не ответила: «Где же мне еще быть?» Но тут он усмехнулся, и я сообразила, что, должно быть, мое появление без стука стало для него нешуточной встряской.

Вообще-то я уже не раз собиралась уйти. И не только из бизнеса, но и покинуть город. Я пришла к убеждению, что в самой его сердцевине скрыта некая отравка, которой, по-видимому, никто не замечает. Но я не просто занималась бизнесом, не просто работала – я строила здесь свою жизнь. И была слишком крепко привязана к этому месту.

И все же порой мне казалось, что пребывание здесь – не что иное, как испытание на выносливость, граничащее с мазохизмом. Я даже не знала уже, что именно пытаюсь этим доказать.

Мое сердце немного успокоилось.

– Я не заметила машину, – сказала я, оглядываясь по сторонам и отмечая перемены: две кожаные сумки у подножия широкой лестницы, связку ключей на столике у входной двери, откупоренную бутылку на гранитном кухонном островке, кружку рядом с ней и самого Паркера в рубашке с закатанными рукавами и расстегнутой верхней пуговицей, словно он только что вернулся с работы, а не был застигнут в пустом доме среди ночи.

– Она в гараже. Я только этим вечером приехал.

Я прокашлялась и кивнула в сторону сумок.

– А Лус здесь?

Упоминаний о ней я уже давно не слышала, но наши разговоры с Грантом сводились к бизнесу, а в отсутствие Сэди некому было посвятить меня в подробности личной жизни Ломанов. Всплывающие слухи ничего не значили. Я сама нередко становилась предметом безосновательных сплетен.

Паркер встал у кухонного стола-островка так, что теперь его обширная поверхность разделяла нас, взял кружку и сделал большой глоток.

– Только я. Мы взяли паузу, – сообщил он.

«Взяли паузу». Именно так выразилась бы и Сэди – неопределенно, оптимистично и словно речь шла о чем-то несущественном. Но его пальцы, сжавшиеся на кружке, и взгляд, который он отводил, сказали мне об обратном.

– Ну что ж, проходи. Выпьем вместе, Эйвери.

– Мне завтра с самого утра надо на объект, – сказала я, но наткнулась на его ответный взгляд и осеклась. Он ухмыльнулся, достал вторую кружку и плеснул в нее.

По выражению лица Паркера было ясно: ему в точности известно, кто я, и притворяться бессмысленно. Не важно, что в настоящее время я присматриваю за всей недвижимостью

его семьи в Литтлпорте. Шести летних сезонов достаточно, чтобы неплохо изучить чей-либо характер.

А я знала его гораздо дольше. Так обстояло дело для тех, кто вырос здесь: среди Рэндолов из Хоукс-Риджа; Шоров, которые перестроили старинный постоялый двор на углу городской площади, затем принялись заводить романы на стороне и теперь делили свой просторный участок, как ребенка при разводе, никогда не появляясь там одновременно; и Ломанов, которые сначала поселились высоко на утесах, откуда был виден весь Литтлпорт, а затем стали расширяться, пускать ростки по всему городу, пока их фамилия не превратилась в синоним летнего отдыха. Дома, сдающиеся в аренду, семья, вечеринки. Некие перспективы.

Местные жители прозвали главную резиденцию Ломанов «Брейкерс»² – завуалированный выпад, благодаря которому некогда объединились все мы, остальные. Отчасти это была отсылка к расположению дома возле Брейкер-Бич, отчасти – намек на особняк Вандербильтов в Ньюпорте и уровень обеспеченности, о котором Ломаны и мечтать не могли. На этот счет всегда прохаживались шепотом – в соль шуточки были посвящены все, кроме ее героев.

Паркер пустил вторую кружку скользить ко мне по поверхности стола, ее содержимое плеснулось через край. Так бездумно он вел себя лишь в тех случаях, когда был уже близок к тому, чтобы напиться в стельку. Я рассеянно повертела кружку туда-сюда по столу.

Он вздохнул и обернулся, окидывая взглядом гостиную.

– Боже, это место... – произнес он, и я поднесла кружку к губам. Потому что не видела Паркера одиннадцать месяцев, потому что поняла, что он имеет в виду: это место, этот дом. Теперь. Без Сэди. Увеличенный снимок их семьи, сделанный несколько лет назад, все так же висел над диваном. Все четверо улыбались, одетые во все бежевое и белое, а на дальнем плане виднелись не в фокусе дюны Брейкер-Бич. Точно так же, как и Паркер, я видела эти «до» и «после».

Он поднял кружку и чокнулся с моей так лихо, что сразу стало ясно – для него это далеко не первая порция: на случай, если я этого еще не поняла.

– Вот-вот, – нахмурился он. Так всегда говорила Сэди, когда мы готовились к поединку. Стопки в ряд, пей подряд, – *вот-вот*. Подкреплялись, двигаясь она в одну сторону, а я – в другую. Опрокидывались стопки, содержимое обжигало мне горло, горели губы.

При первом глотке я прикрыла глаза, ощущая расслабление и тепло.

– Ну-ну, – тихонько отозвалась я по привычке.

– М-да... – Паркер налил себе еще полкружки. – Вот так вот.

Я села на табурет рядом с ним, обхватив ладонями свою кружку.

– Надолго ты сюда? – спросила я и задумалась, неужели это из-за Лус. Неужели они жили вместе, а теперь ему понадобилось куда-нибудь сбежать.

– До церемонии открытия.

Я сделала еще глоток – размером больше, чем собиралась. Словно уворачивалась от мыслей о предстоящей дани памяти Сэди. Предполагался памятник в виде бронзового колокола, который не звонит, у входа на Брейкер-Бич. «Дабы все души нашли дорогу домой», – должна была гласить высеченная вручную надпись. Ее выбрали голосованием...

В Литтлпорте полным-полно памятников, и я давно пресытилась ими. Скамьи вдоль пешеходных дорожек, статуи рыбаков перед мэрией – мы были отданы в услужение не только отдыхающим, но и усопшим. Моему отцу достался класс в начальной школе. Маме – стена в галерее на Харбор-драйв. Золоченая табличка в обмен на утрату.

Я поерзала на своем месте.

– Твои родители приедут?

Он покачал головой.

² «Разрушители, узурпаторы».

– Отец занят. Страшно занят. А Би... пожалуй, для нее эта мысль была бы далеко не самая удачная.

А я и забыла, что Паркер и Сэди называли Бьянку «Би», но только за глаза, а в ее присутствии – никогда. И всегда отстраненно, словно их разделяло огромное расстояние. Я считала это эксцентричностью, свойственной богатым. Бог свидетель, за годы я подметила за ними немало таких причуд.

– Ну, как жизнь, Паркер?

Он повернулся на табурете ко мне. Будто только что сообразил, что я здесь и кто я. Окинул взглядом мое лицо.

– Не очень. – Он обмяк на своем месте. Я знала, что откровенным его сделало спиртное.

Сэди была моей лучшей подругой с того самого лета, как мы познакомились. Ее родители чуть ли не удочерили меня – оплачивали мою учебу, пообещали работу, если я докажу, что достойна ее. Я жила и работала у них в гостевом доме несколько лет подряд, с тех пор как Грант Ломан купил дом моей бабушки. И за все то время, пока мы существовали в одной плоскости, Паркер редко высказывал хоть сколько-нибудь глубокие замечания.

Он дотянулся до свисающей пряди моих волос, легонько дернул за нее и отпустил.

– У тебя волосы изменились.

– А-а. – Я провела ладонью сбоку по голове, приглаживая волосы. Вид моей прически изменился не в результате активных действий, а скорее как следствие движения по пути наименьшего сопротивления. Я выждала год, пока отрастет мелирование и волосы снова станут темно-каштановыми, а затем обрезала их по плечи, сохранив косой пробор. Вот в чем отличие отношений с людьми, с которыми видишься только летом: в переменах нет никакой постепенности. Мы росли скачками. Менялись внезапно.

– Ты выглядишь старше, – и он сразу же добавил: – Ничего плохого в этом нет.

Я почувствовала, как теплеют мои щеки, и поспешила поднести кружку ко рту, чтобы скрыть румянец. Все дело было в спиртном, и в ностальгии, и в этом доме. Как будто все и всегда на грани взрыва. *Летний психоз*, называл это состояние Коннор. И название прикинулось без каких-либо стараний с его стороны.

– Мы *и правда* старше, – ответила я, вызвав у Паркера улыбку.

– Может, тогда перейдем в гостиную? – спросил он, а я так и не поняла, над кем он потешается – над собой или надо мной.

– Сбегаю только в ванную, – сказала я. Мне требовалось время. Паркер умел смотреть так, что казалось, будто ты единственное, что в мире достойно внимания. До Лус я видела, как он прибежал к этому взгляду десятки раз с десятком других девчонок. Не хочу сказать, что я о нем никогда не задумывалась.

Я прошла через холл и скрылась за боковой дверью. В этой ванной комнате ничем не закрытое окно, обращенное к океану, находилось прямо над унитазом. Все окна в доме, откуда открывался вид на воду, оставались незашторенными. Будто в противном случае о присутствии океана можно было забыть. Песок и соль, казалось, проникают здесь повсюду – набиваются в зазор между бордюром и проезжей частью, вызывают ржавение машин, непрерывно атакуют деревянные фасады магазинов вдоль Харбор-драйв. Проведя пальцами по волосам, я уловила соленый запах ветра.

Пока я плескала в лицо водой, мне показалось, что под дверью прошла тень. Я закрыла воду и уставилась на дверную ручку, затаив дыхание, но ничего не произошло.

Просто померещилось. Всплыла надежда из давней памяти.

В этом заключалась странность дома Ломанов: ни на одной внутренней двери не было замка. Я так и не поняла, то ли это конструкторский просчет – выбор в пользу гладких круглых ручек в старинном стиле, – то ли он предназначался для того, чтобы подчеркивать элитарность.

Для того чтобы перед закрытой дверью всегда приходилось делать паузу, чтобы постучать. И напоминал о неких ограничениях, свидетельствовал, что здесь невозможны секреты.

Так или иначе, по этой причине я познакомилась с Сэди Ломан. Здесь, в этой самой комнате.

* * *

До этого мне уже случалось видеть ее. Шло лето после выпускного, минуло почти шесть месяцев со смерти моей бабушки. Ледяная дорожка, сотрясение мозга, а затем инсульт, в результате которого я осталась последней из Гриров в Литтлпорте.

Меня, необузданную и опасную, пронесло рикошетом через всю зиму. Я доучилась благодаря щедрости клиенток, записывающихся на макияж, и особым обстоятельствам. Становилась поочередно и в равной степени непредсказуемой, и ненадежной. И все же находились такие люди, как Ивлин, соседка моей бабушки, которые время от времени подкидывали мне мелкую работу и следили, чтобы я кое-как перебивалась.

Но тем чаще и ближе я сталкивалась с тем, чего не имела.

Вот она, беда таких мест, как это: все происходит у всех на виду, в том числе и жизнь, которой тебе никогда не видеть.

Старайся свести концы с концами, держи все под контролем – и сможешь открыть на набережной лавчонку и продавать мыло ручной работы или же организовать банкетную службу на кухне местного отеля. Можешь зарабатывать себе на жизнь или на подобие жизни вдали от берега, в море, если достаточно любишь его. Можешь продавать мороженое или кофе от магазина, который функционирует в основном четыре месяца в году, и благодаря этому продержишься. Можешь иметь мечту, если готова пожертвовать чем-нибудь ради нее.

Ровно до тех пор, пока остаешься невидимой, как и было задумано.

* * *

Ивлин наняла меня на вечеринку «Здравствуй, лето!» к Ломанам. Я переоделась в форму – черные брюки, белая рубашка, волосы собрала в хвост на затылке. Она предназначалась для того, чтобы не выделяться, оставаться незаметной. Когда я сидела на опущенной крышке унитаза и обматывала основание ладони туалетной бумагой, мысленно чертыхаясь и пытаясь остановить кровь, дверь открылась и бесшумно закрылась вновь. Сэди Ломан застыла лицом к двери, прижав к ней ладони и наклонив голову.

Когда встречаешь человека, который прячется в ванной, сразу же понимаешь о нем кое-что.

Я прокашлялась и резко встала.

– Извините, я просто... – и я попыталась обойти ее по широкой дуге, прижимаясь к стене и стараясь оставаться невидимой и невзрачной.

Она даже не попыталась разглядывать меня не так оценивающе.

– Я не знала, что здесь кто-то есть, – произнесла она. Никаких извинений, потому что Сэди Ломан ни перед кем и не должна извиняться. Она ведь у себя дома.

Розовый румянец пополз вверх по ее щеке – эту реакцию мне предстояло досконально изучить в дальнейшем. Как будто это я ее застукала. *Проклятие светлой кожи*, объясняла она позднее. Как и бледные веснушки на переносице, которые молодили ее, поэтому ей приходилось чем-нибудь компенсировать излишне юный вид.

– С тобой все хорошо? – спросила она, нахмурившись и глядя, как кровь пропитывает туалетную бумагу на моей кисти.

– Ага, просто порезалась. – Я прижала бумагу к ранке, но это не помогало. – А с тобой?

– Да так, сама понимаешь, – неопределенно отозвалась она, помахав рукой. Но я не понимала. Тогда еще нет. Только потом разобралась, что значит этот небрежный жест – *все эти Ломаны*.

Она протянула руку к моей руке, подзывая меня к себе, и мне не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться. Размотав бумагу, она наклонилась и поджала губы.

– Надеюсь, у тебя сделана прививка от столбняка, – сказала она. – Первый признак – спазм челюстей, – она сжала челюсти, клацнув зубами. – Жар. Головные боли. Мышечные спазмы. До тех пор, пока не потеряешь способность глотать или дышать. Далеко не самая быстрая смерть – вот о чем я. – Она подняла на меня взгляд ореховых глаз. Стояла она так близко, что я видела стрелки, наведенные под ее глазами, и легкую неровность там, где дрогнул ее палец.

– Это я ножом, – объяснила я, – на кухне.

А не грязным гвоздем. Я считала, что от таких ран бывает столбняк.

– А, вот как, ну все равно. Будь осторожна. Любая инфекция, попадающая в кровь, может привести к сепсису. И если уж речь об этом, тоже удовольствие так себе.

Я так и не поняла, всерьез она говорит или шутит. Но криво улыбнулась, и она тоже.

– Изучаешь медицину? – спросила я.

Она издала короткий смешок.

– Финансы. По крайней мере, таков план. Увлечательно, правда? А разные способы умереть – просто личный интерес.

В то время она еще не знала о моих родителях и о том, насколько быстро или медленно они умерли. Еще не представляла, как часто я думала об этом, потому я и простила ей легкомысленность, с которой она обсуждала смерть. Но на самом деле было в этом что-то почти лестное: незнакомый мне человек, не моргнув глазом сыплющий шутками о смерти в разговоре со мной.

– Шучу, – пояснила она, вода моей рукой над раковиной, под струей холодной воды, приглушающей жжение. У меня в животе все сжалось от смутного воспоминания, которое я не смогла уловить, – внезапного приступа тоски. – Это мое самое любимое место в мире. Ничему плохому не позволено случаться здесь. Я запретила. – Она порылась в нижнем ящике шкафчика и достала бинт. Под раковиной обнаружился целый арсенал мазей, перевязочного материала, швейных наборов и средств для ванной.

– Ого, ты подготовилась к чему угодно, – не удержалась я.

– Кроме вуайеристов, – она кивнула в сторону незашторенного окна и коротко улыбнулась. – Повезло тебе, – заметила она, расправляя бинт. – Чудом вену не задела.

– Ой, у тебя кровь на свитере, – ахнула я, ужаснувшись тому, что нечто принадлежавшее мне запятнало ее. Идеальный свитер поверх идеального платья в этот идеальный летний вечер. Поводя плечами, она стащила свитер, скомкала его и швырнула в фарфоровое ведро. Наверняка стоившее больше, чем мне платили за целый день работы.

Она улизнула так же бесшумно, как вошла, а я осталась в ванной. Случайная встреча, решила я.

Но это было лишь начало. Благодаря неловкому движению ножа мне открылся целый мир. Мир недостижимого.

* * *

И вот теперь, мельком взглянув на себя в то же зеркало и поплескав в лицо водой, чтобы охладить щеки, я почти слышала ее приглушенный смешок. Видела взгляд, каким она одарила бы меня, узнав, что ее брат и я пьем одни в этом доме среди ночи. Я уставилась на свое отражение, на запавшие глаза, и вспоминала. «Не делай этого, не надо», – для пущей уверенно-

сти громко прошептала я. Сам акт произнесения этих слов призывал меня к ответу, содержал нечто, находящееся во мне.

Иногда помогало представлять, как те же слова выговаривает Сэди. Словно колокольчик звенит у меня в груди, не давая свернуть с пути.

* * *

Паркер растянулся на диване под старинным семейным портретом, рассеянно глядя через незашторенные окна в темноту. Я засомневалась в том, что правильно поступила, оставив его на время. И решила впредь действовать осторожнее. Выискивать то, что скрыто в глубине слова или жеста.

– Допивать ты же ведь не будешь, – сказал он, по-прежнему уставившись в окно.

Дождевая капля ударила в стекло, затем вторая, вдали от берега вспыхнул зигзаг молнии.

– Мне надо вернуться, пока не началась гроза, – объяснила я, но он отмахнулся.

– Не верится, что у них снова вечеринка. – До него это как будто лишь сейчас дошло. – Церемония открытия памятника, а затем – «плюс одна». – Он сделал глоток. – Типичное явление для этих мест. – Он наконец повернулся ко мне. – Ты идешь?

– Нет, – ответила я, как будто это было мое решение. Не могла же я сказать ему, что в этом году я вообще не в курсе насчет вечеринки «плюс одна» – будет ли она, и если да, то где. До конца сезона оставалось еще недель пять, а о вечеринке – ни слуху ни духу. А Паркер не успел пробыть здесь и пары часов и уже все знал.

Он сразу же кивнул. С точки зрения Ломанов, правильный ответ был возможен всегда. Я быстро убедилась, что вопросы они задают не для того, чтобы выяснить твоё мнение, а чтобы оценить тебя.

Я сполоснула свою кружку, продолжая держать дистанцию.

– Если ты остаешься, я вызову уборщиков.

– Эйвери, подожди, – попросил он, но я не стала ждать, когда он продолжит.

– Выспись, Паркер.

Он вздохнул.

– Пойдем завтра со мной.

Я застыла, держась за гранитный кухонный стол.

– Пойти с тобой – куда?

– На эту встречу с комитетом по поводу церемонии открытия. – Он нахмурился. – Ради Сэди. У них обед на Бэй-стрит. Мне бы не помешало там присутствие друга.

Друга. Можно подумать, мы дружили.

И тем не менее.

– Ладно, – сказала я, впервые за почти год ощущая знакомые признаки лета. Бэй-стрит показалась мне выбором Паркера, а не комитета. Там у Ломанов имелся постоянный столик, хотя, строго говоря, на Бэй-стрит отсутствовала система бронирования. Как будто он решил своим поступком напомнить остальным, где их место, а где его.

Я думала, шансы пятьдесят на пятьдесят, что утром он об этом разговоре даже не вспомнит. Или пожалеет о приглашении и сделает вид, что его не было.

Но если я чему-то и научилась от Ломанов, то по крайней мере одному: в счет идут даже те обещания, которые были даны в неясном уме. Беспечное «да» – и ты связан им.

* * *

Снаружи, в темноте, слышался ровный стук дождевых капель, стекающих в водосточные желоба. Я втянула голову в плечи, готовясь вымокнуть. Но вдруг в луче фонарика увидела

причину, которая привела меня сюда с самого начала. Мусорный бак, задвинутый в нишу возле входной двери, опрокинулся, открывая взгляду его содержимое. Высокая белая решетчатая калитка, за которой он находился, теперь была открыта и хлопала на ветру.

Замерев, я провела лучом фонарика вдоль деревьев, по стене гаража. Снова налетел ветер с дождем, и калитка еще раз скрипнула и ударилась о боковую стену дома.

Стало быть, ветер.

Запру ее утром. Небо разверзлось. Грянула гроза.

Глава 3

На следующее утро телефон зазвонил, как раз когда я выплывала из глубин сна. Давно знакомого сна: с ощущением качки на волнах, полной неустойчивости, будто я очутилась внутри одной из маминых картин – застряла среди мечущихся волн у пристани, глядя в сторону берега.

Когда я открыла глаза, комната закружилась перед ними, екнуло в животе. Спиртное среди ночи и недосып. Я пошарила рукой в поисках телефона, взглянула на часы – ровно восемь. Звонили с незнакомого номера.

– Алло? – Я постаралась, чтобы голос прозвучал бодро, словно и не спала, но по-прежнему смотрела только в потолок, пытаюсь прийти в себя.

– Мисс Грир?

Прежде чем ответить, я села в постели. Обращение «мисс Грир» означало деловой звонок Ломанов, людей того типа, которые ожидали, что в этот час я сижу за письменным столом, а не в постели, скрестив ноги по-турецки, и дышу, распространяя вокруг перегар виски.

– Да. Кто говорит? – откликнулась я.

– Кевин Доналдсон, – сказал мой собеседник. – Из «Голубой мухоловки». Тут кое-что случилось. Кто-то побывал здесь.

– Что, простите? Кто побывал? – спросила я, пытаюсь вспомнить, на какое время вызывала уборщиков и не лопухнулась ли с датой выселения Доналдсонов. Такие люди, как они, не любят, когда кто-то приходит без предупреждения за время их отсутствия, даже если этот «кто-то» – я. Потому что они и остановились в одном из наших домов, а не в мини-отеле и не в люксе обычного отеля. Я поспешила к своему письменному столу, задвинутому в угол гостиной, и открывала папки, сложенные стопкой рядом с ноутбуком, пока не нашла нужный дом.

С договором аренды в руке я выслушала его ответ:

– Мы вернулись в дом поздно, около полуночи. Кто-то явно рылся в наших вещах. Но ничего не пропало.

Я пробежалась по списку лиц, имеющих ключ от дома. Чтобы выяснить, нет ли новых сотрудников у поставщиков услуг, к которым мы обращались. Понять, кому звонить, на кого сделать ставку.

– Мне очень жаль слышать это, – произнесла я в трубку.

Моим следующим вопросом должен был стать: «Вы не оставляли незапертыми двери или окна?» Но тогда получилось бы, что я виню самих Доналдсонов, а этого я не хотела, тем более что все имущество осталось при них. И все же полезно было бы узнать подробности.

– А в полицию вы звонили? – спросила я.

– Конечно. Вчера ночью. Сначала пытались дозвониться до вас, но вы не отвечали.

Разумеется. Они, должно быть, названивали мне прошлой ночью, пока я находилась в большом доме с Паркером.

– Из полиции приезжали, взяли у нас показания и быстро провели осмотр.

Я закрыла глаза и сделала медленный вдох и выдох. Правила предписывали сначала созваниваться с Грантом Ломаном, а уж потом обращаться к копам. Заявление в полицию от арендаторов на пользу бизнесу не идет.

– Послушайте, – продолжал он, – не важно, что ничего не пропало. Ясно же, что это в любом случае нервирует. Сегодня утром мы съезжаем и хотим возмещения за остаток срока проживания. За три дня.

– Да, понимаю. – Я прижала пальцы к виску. Хотя до окончания срока по их договору оставалось лишь два дня. Я по опыту знала, что в сфере услуг скандалы по такому поводу не затевают. – Могу отправить чек по почте к нынешнему полудню.

– Нет, мы хотели бы забрать его до отъезда, – судя по его тону, это не обсуждалось. С такими людьми я уже сталкивалась. Половина моей работы заключалась в умении вовремя прикусить язык. – Остаток недели мы проведем в мини-отеле «Мыс», – продолжал он. – Где находится ваш офис?

Мой офис находился там же, где и я, и я не желала, чтобы кто-нибудь являлся по делу на территорию Ломанов. Вопросы с бумагами и финансами мы решали преимущественно в Сети, для всех прочих дел мне служила почтовая ячейка.

– Я лично привезу чек в «Мыс» сегодня, но попозже. Он будет ждать вас у администратора еще до окончания рабочего дня.

* * *

Я отправила Паркеру эсэмэску, чтобы составить план дел на день, но мое сообщение было помечено как недоставленное.

Сегодня я заспалась, однако объезд объектов начинался не раньше десяти. Мне еще могло хватить времени на утреннюю пробежку, пусть даже короткую. А Паркера я решила провести на обратном пути.

* * *

О вчерашней грозе напоминала только пружинистая податливость сырой земли под моими ногами. Утро выдалось свежим и солнечным, как на открытках с видами Литтлпорта из магазинов в центре. Эти дни, будто специально созданные для туристов, и держали нас на плаву: живописные, своеобразные, оберегаемые неукротимой природой, и в свою очередь, защищающие ее.

Сказать по правде, здешние места дики, суровы и подвержены крайностям. От норд-остов, способных запросто набросать снега со льдом в фут толщиной и оборвать половину кабелей, – до летнего затишья с птичьими криками и колокольным звоном бакена, отбивающего ритм в море. От валов с высокими гребнями, способных сорвать яхту с причала, – до мелких волн, лижущих пальцы ног на песчаном пляже. От оживленного многолюдья до полного одиночества. От пороховой бочки до города-призрака.

Пройдя мимо гаража, я заметила, что мусорный бак поднят, калитка заперта. Видимо, Паркер уже встал и выходил, ночной недосып и спиртное никак не отразились на нем.

Едва я поставила ногу на первую ступеньку крыльца, входная дверь распахнулась. Паркер резко затормозил, удивленно и пристально уставившись на меня.

Таким же взглядом он одарил меня при первой встрече. Я сидела по-турецки на светлом покрывале в комнате Сэди, а сама она красила ногти нам обоим лиловым переливчатым лаком, рискованно пристроив пузырек на своем колене между нами, и за ее спиной и застекленными дверями балкона не было ничего, кроме неба и моря, голубого над голубым вплоть до плавного изгиба линии горизонта.

Ее рука зависла в воздухе, когда в коридоре послышались шаги, она подняла голову как раз в тот момент, когда Паркер вошел. В то время ему было девятнадцать, на год больше, чем нам, он только что отучился первый год в колледже. Что-то остановило его, не успел он шагнуть через порог. Он посмотрел на меня, потом на Сэди, и у него дрогнул краешек рта.

– Отец ищет тебя, – сообщил он.

– Значит, плохо ищет. – Она снова занялась ногтями, но он не уходил. Стрельнул в меня глазами и сразу отвел их, будто не желал, чтобы кто-нибудь заметил, что он на меня смотрит.

Сэди раздраженно вздохнула.

– Это Эйвери. Эйвери, это мой брат Паркер.

Он был босиком, в поношенных джинсах и футболке с рекламой бесплатных объявлений. Такой непохожий на свой тщательный постановочный снимок, висящий внизу. Бледный шрам рассекал край его левой брови. Я помахала рукой, он сделал то же самое. Затем шагнул обратно в коридор и продолжил путь по нему.

Я смотрела в опустевший коридор, когда в тишине прозвучал голос Сэди:

– Не надо.

– Что?

Она покачала головой.

– Просто не надо.

– Я и не собиралась.

Она завинтила крышку пузырька с лаком и легонько подула на свои ногти.

– Серьезно. Ничем хорошим это не кончится.

Таким тоном, будто от этого зависело все, что только могло последовать. Ее внимание, ее дружба, этот мир.

– Я же сказала, что не собиралась. – Я не привыкла к тому, чтобы мной командовали и распоряжались. С тех пор как мне исполнилось четырнадцать, нашу семью составляли лишь я и моя бабушка, а к тому времени ее уже полгода как не было в живых.

Сэди медленно моргнула.

– Все так говорят.

* * *

За годы, прошедшие с тех пор, Паркер Ломан раздался в плечах, стал более собранным и уверенным в себе. Теперь он не стал бы мяться на пороге. Но я вскинула руку точно тем жестом, как тогда, и он повторил его.

– Привет. Я пыталась сначала эсэмэснуть тебе.

Он кивнул и продолжил спускаться.

– У меня номер сменился. Вот, – он протянул руку за моим телефоном и поменял свои контакты. Я задумалась, неужели он сменил номер из-за Лус. Или из-за Сэди. Называли ли ему люди – друзья с соболезнованиями, журналисты в поисках сюжетов, давние знакомые, только что узнавшие о трагедии. Понадобилось ли ему проредить свои контакты, сжался ли его мир до размеров булавочной головки и теперь разрастался заново – так, как когда-то было со мной.

– В какое время обед? – спросила я.

– Назначен на половину второго. Я уже внес тебя в список. Хочешь, поедem на машине вместе?

Я опешила: он не просто вспомнил о приглашении, но и не забыл внести меня в список.

– У меня есть кое-какие дела, лучше я сама подъеду.

– Ладно, там и увидимся. – Он сделал несколько шагов в сторону гаража. – Съезжу за покупками. В доме шаром покати. Если не считать виски. – Он ухмыльнулся. – Может, сделать еще что-нибудь заодно?

А я и забыла, каким обаятельным он умеет быть, каким обезоруживающим.

– Нет, – ответила я. – Ничего не надо.

– Ну что ж, – ответил он, продолжая улыбаться, – тогда отпускаю тебя на эту твою раннюю встречу.

* * *

Я следовала знакомым путем. Вниз по Лэндинг-лейн, размять при этом ноги. Затем до окраины делового центра, повернуть обратно и под конец выйти на Брейкер-Бич.

Раньше август в Литтлпорте был излюбленным временем года для меня – в обоих мирах. Витало в воздухе нечто особое, слышался гул, город пребывал в постоянном движении. Он был назван в честь семейства Литтл, но все здесь, как местные жители, так и приезжие, воспринимали это название как миссию. В городском центре все должно было оставаться миниа-турным: маленькие деревянные вывески с выписанными вручную буквами, низкие маркизы, узкие доски. Летом отдыхающие сидели за маленькими, как в бистро, столиками на верандах, откуда открывался вид на океан, пили из маленьких узких бокалов и говорили вполголоса. С потолочных балок свешивались маленькие лампочки, будто все мы говорили друг другу: *здесь всегда праздник.*

Это был спектакль, мы все играли.

Стоило только сделать шаг за пределы городского центра, и этой игре приходил конец. Летние домики в два-три этажа возвышались над идеально озелененными дворами, взбираясь все выше по склонам прибрежных гор. Тянулись обложенные камнем подъездные дорожки, дома окружали широкие веранды, панорамные окна отражали небо и море. Прекрасная, великолепная монструозность.

Я выросла ближе к материковой окраине города, в одноэтажном доме с тремя спальнями и одной комнатой, превращенной в мамину мастерскую. Она ободрала с пола ковровлин, сняла дверцы стенных шкафов, заставила полки рядами красок и красителей. Комнаты были выкрашены в яркие цвета – все, кроме этой, словно ей требовалась блеклая и нейтральная палитра, чтобы вообразить нечто большее.

Единственным, что мы в то время видели из окна, были деревья, а за ними – катер на подъездной дорожке у Харлоу. Мы с Коннором бегали наперегонки по тропе за нашими домами, пугали пешеходов, лавируя между ними и внезапно тормозя.

Бабушкино бунгало, где я провела подростковые годы, располагалось в более старом районе, у набережной. Привычные мне запахи скипидара и краски сменились там сладким ароматом шиповника по периметру двора за домом, с примесью соленого ветра. Предки нынешних жителей района Стоун-Холлоу поселились в нем несколько поколений назад, заявили свои права на эти земли еще до повышения цен и теперь цепко держались за них.

Я знала этот город во всех его ипостасях, чуть ли не целую жизнь провела в каждом из его районов. И одно время всецело верила в его волшебство.

Добежав до песчаной полосы Брейкер-Бич, я остановилась. Уперлась ладонями в колени, переводя дыхание, и увязла кроссовками в песке. Позднее днем здесь соберутся отдыхающие, выпитывая солнце. Дети будут строить замки из песка или удирать от прибоя – вода слишком холодна даже в разгар лета.

А пока здесь не было никого, кроме меня.

Песок еще не успел высохнуть после ночной грозы, и я видела единственную цепочку следов – она тянулась через весь пляж и заканчивалась у самой парковки. Я направилась по песку к утесам и каменным ступеням, высеченным в стене одного из них. Там следы резко обрывались, словно кто-то спустился этим путем с другой стороны, выйдя из дома.

Я остановилась, касаясь ладонью холодных камней и чувствуя, как нарастает озноб. Смотрела на дюны позади меня и представляла, что там кто-то есть. Следы были свежими, еще не смытыми подкрадывающимся прибоем. Опять у меня возникло чувство, что я здесь не одна.

Отключение электричества прошлой ночью, шум в темноте, следы этим утром.

Я отогнала от себя эти мысли – вечно я забежала на три шага дальше, чем следовало, пыталась восстановить события прошлого и сделать предположение на будущее, чтобы на этот раз предвидеть, что меня ждет. Привычка, сохранившаяся с тех времен, когда я могла рассчитывать только на себя и на то, в чем не сомневалась.

Наверное, это Паркер спозаранку выходил на пробежку. Звонок насчет второго вторжения в дом застал меня врасплох. В памяти еще был свеж зыбкий сон о море, напоминание о том, как мама шептала мне на ухо, пока работала, убеждала меня *вглядеться*, рассказать, что я вижу, хоть увиденное всегда казалось мне одинаковым.

Это место и все, что здесь произошло, неизменно побуждало меня искать что-то такое, чего вообще не существовало.

Именно здесь нашли Сэди. В 22:45 в полицию поступил звонок от мужчины, который в тот вечер выгуливал здесь собаку. От местного жителя, который знал, как выглядят эти места. И заметил в тени кое-что – голубой отсвет в лунном свете.

Ее ногу, застрявшую в камнях и показавшуюся во время отлива. Отступая, океан забыл забрать ее с собой.

Глава 4

Поездка на Бэй-стрит означала, что придется приложить максимум стараний к собственной внешности и при этом выглядеть так, будто никаких стараний тебе это не стоило. Я порылась в шкафу, среди моих собственных вещей и обносков Сэди, представляя, как Сэди вытаскивала бы наряды из него наугад, прикладывала ко мне, касалась пальцами моих ключиц, вертела меня туда-сюда и решала.

В конце каждого сезона отдыха она оставляла мне несколько платьев, или рубашек, или сумок. Сваливала их кучей на мою кровать. Большинство оказывались слишком тесными или короткими, хотя она объявляла, что они сидят идеально, но именно они не давали мне по-настоящему слиться с ее кругом общения. В этом мире потомственной финансовой аристократии было не принято что-либо демонстрировать, выставять напоказ. Одежда не имела значения – в отличие от деталей и умения носить ее, а я так и не научилась делать это как полагается.

А она, даже когда была одета в точности как я, приковывала к себе внимание.

* * *

Она вспомнила обо мне в следующие выходные, после того как застала меня у них в ванной. Ночью на Брейкер-Бич сложили костер, пара машин укрылась за дюнами, все мы, остальные, прибыли пешком. Сумки-холодильники с яхт загрузили дешевым пивом. Спички поднесли к трухлявым корягам, выброшенным волнами на берег.

Наступившая тишина заставила меня обернуться, и я увидела ее. Ее присутствие я скорее ощутила, чем услышала.

– Приветствую, – произнесла она, словно только и ждала, когда я замечу ее.

Вокруг костра мы собрались целой толпой, но она обращалась только ко мне. Она оказалась ниже ростом, чем мне запомнилось, – может, просто потому, что была босиком. Шлепанцы она несла в левой руке; края ее свободных джинсовых шорт обтрепались, толстовка с капюшоном была застегнута на молнию от ночной прохлады.

– Значит, нет столбняка? И сепсиса тоже? Ого, да я сила.

Я показала ей руку.

– Похоже, я буду жить.

Она расплылась в широкой улыбке, сверкнув ровными белыми зубами под луной. Отблеск костра дрожал на ее лице, как тени.

– Сэди Ломан, – представилась она, протягивая руку.

Я чуть не рассмеялась.

– Знаю. А я Эйвери.

Она огляделась и понизила голос:

– Я была у себя во дворе за домом, увидела дым, и мне стало любопытно. На такие сборища меня никогда не приглашали.

– В сущности, ты ничего не потеряла, – заверила я, но покривила душой. Эти ночи на пляже означали для нас свободу. Способ претендовать на что-либо. Я рисовалась по привычке, но сразу же пожалела об этом. Все праздновали – окончание учебы, новую жизнь, – и я впервые задумалась, что я здесь делаю. Что привело меня сюда и теперь удерживало здесь. За пределами этого города начинались неизведанные и бескрайние дебри, но для такого человека, как я, «где угодно» могло с таким же успехом означать «нигде».

Мой отец вырос в Литтлпорте; после окончания местного колледжа он вернулся сюда с учительским дипломом, заранее зная, что так и поступит. Моя мать очутилась здесь по чистой

случайности. Рулила по побережью, завалив заднее сиденье бэушной машины вещами и припасами – всем скарбом, какой только имелся у нее в этом мире.

Она говорила, что-то в этом месте заставило ее остановиться. Что ее притянуло нечто такое, от чего она не могла отказаться, за чем она гналась. Нечто, которое я позднее видела на множестве набросков в ее мастерской, сложенных на полки. Видела у нее на лице, пока она работала, меняла ракурс, точку обзора и снова вглядывалась. Будто был некий неосознанный элемент, который она никак не могла уловить.

Красота ее законченных работ заключалась в том, что зритель видел не только изображение, но и ее намерение. Это ощущение чего-то недостающего и притягивало, заставляло подойти ближе в надежде, что удастся обнаружить его.

Но в том-то и состояла уловка этих мест: они заманивали тебя под фальшивыми предложениями, а потом отнимали у тебя все.

Сэди сморщила нос, оглядев происходящее у костра:

– Будет дождь, знаешь?

Я чувствовала это по воздуху, его влажности. Но погода держалась, и это было особенно приятно. Мы как будто бросали вызов природе.

– Может быть, – ответила я.

– Нет, точно будет. – И как будто она управляла погодой, я ощутила, как тяжелая и холодная первая капля плюхнулась мне на щеку. – Хочешь, вернемся? Мы успеем, если бегом.

Я посмотрела на ребят, с которыми вместе училась. Все поглядывали в мою сторону. Коннор сидел на ближайшем бревне и старательно делал вид, будто не замечает меня. Мне хотелось завизжать: у меня на глазах съеживался мой мир. А я с недавних пор, после всего, через что прошла, никак не могла избавиться от этого ощущения.

– Знаешь, есть короткий путь, – я указала на вырубленные в скале ступени, хотя с того места, где мы стояли, их было не разглядеть.

Она вскинула бровь, и я так и не догадалась, знала она о них с самого начала или я в тот вечер открыла для нее нечто новое. Но, когда я стала подниматься, она последовала за мной, хватаясь за камни по моему примеру. Когда мы добрались до верха утесов, дождь хлынул, и я увидела суматоху внизу, в отблеске костра, – тени разбегались по машинам, похватав холодильники.

Сэди сделала шаг назад и взяла меня за руку.

– Смотри не убейся, – сказала она.

– Что?

При лунном свете я отчетливо видела только ее глаза – большие и немигающие.

– Мы на самом краю, – объяснила она, повела взглядом в сторону, и я посмотрела туда же, хотя внизу был только мрак.

Мы были не настолько близко к краю, чтобы неверный шаг мог оказаться роковым, но я все равно отступила. Она схватила меня за запястье, и мы со смехом побежали под крышу на заднем дворе ее дома. И рухнули на диван под навесом патио, бассейн светился перед нами, океан шумел позади. Окна за нами не были освещены, она тихонько проскользнула в дом и вернулась с бутылкой какой-то дорожкой с виду выпивки. Я таких никогда не видела.

По периметру их двора горели янтарные лампы, в черной ограде с калиткой у бассейна – скрытая подсветка, и мы видели, как дождь льет стеной, будто отгораживая нас.

– Добро пожаловать в Брейкерс, – объявила она, взгромоздив облепленные песком ступни на плетеный столик перед нами. Будто и забыла, что всего неделю назад я обслуживала здесь вечеринку.

Я смотрела на ее профиль, поэтому заметила, как уголок ее губ загнулся кверху в понимающей улыбке.

– А что? – Она повернулась лицом ко мне. – Разве не так вы называете это место?

Я нерешительно моргнула. Подумала, что, может, это и есть ключ к успеху – извечный оптимизм. Умение проглотить обиду и обратить ее себе на пользу. Принимать все, даже это, и присваивать себе. Вновь присмотреться и заметить нечто новое. В этот момент я полностью уверовала в одно: моей маме она понравилась бы.

– Да, так, – подтвердила я, – просто... я ведь уже бывала здесь раньше.

Ее улыбка разрасталась, пока не достигла глаз, и тогда она чуть отклонила голову назад, как будто смеялась. Я чувствовала, как внимательно она за мной наблюдает. Если она и узнала свитер, который был на мне, то не упомянула об этом.

Она подняла бутылку, направляя ее сначала в мою сторону, потом к океану.

– Вот-вот. – Она отпила из бутылки и отерла губы ладонью.

Я думала о Конноре, который там, внизу, на пляже, меня старательно игнорировал. О бабушкином пустом доме, ждущем меня. Тишина, тишина.

Обхватив губами прохладное стекло, я сделала долгий глоток, мои нервы вспыхнули как в огне.

– Ну-ну, – ответила я ей, и она рассмеялась.

Мы продолжали пить прямо из бутылки, глядя, как сверкают молнии – вдали от берега, но настолько близко, чтобы наэлектризовать воздух. Самой себе я казалась проводом под током. Потянувшись за бутылкой, она сомкнула пальцы на моих и заземлила меня.

* * *

Оставив без внимания одежду Сэди, висющую в моем шкафу, я остановила выбор на собственном деловом костюме – классических брюках и белой блузке без рукавов, – потому что так и не смогла примириться с мыслью, что Паркер увидит меня в одежде его сестры.

На Бэй-стрит я прибыла первой, потому что всегда являюсь заранее. Пережиток страха с тех времен, когда я только начинала работать на Гранта Ломана, – страха, что за любую оплошность он уволит меня и все будет кончено.

Когда ее родители впервые познакомились со мной, меня восприняли как следствие целой череды неудач, странную вещицу, которую Сэди подобрала на пляже и, как хотелось им надеяться, выбросит так же быстро. Все наверняка считали, что я просто такой этап, который Сэди в конце концов перерастет. Точно рассчитанный, управляемый бунт.

Она вывалила на меня это знакомство так неожиданно, что я не успела ни подготовиться, ни отказаться.

– Я предупредила их, что приведу к ужину подругу, – объявила она в первую же неделю, когда мы поднимались на крыльцо.

– Ой, нет, я не...

– Ну пожалуйста! Они тебя любят, – она сделала паузу и сверкнула улыбкой. – Ты им *понравишься*, – поправила она.

– Или они будут нехотя терпеть меня ради тебя?

– Ну уж нет, не ради меня. Да ладно тебе, это же просто ужин. Прошу, избавь меня от этого однообразия.

Опять этот небрежный взмах рукой. *Все вот это. Моя жизнь.*

– Но я же ничего о них не знаю, – сказала я, хоть это была и не совсем правда.

Она остановилась перед входной дверью.

– Все, что тебе на самом деле следует знать, – что мой отец ум, а мама – сила.

Я рассмеялась, думая, что она шутит. Бьянка была миниатюрной, легкой, с по-детски звонким голосом. Но Сэди только подняла бровь.

– Папа говорил, что строиться здесь небезопасно. И тем не менее, – продолжала она, взмахнув рукой и открыв дверь, – мы здесь. *И потом*, она управляет семейным благотвори-

тельным фондом, – она понизила голос до шепота, я безуспешно пыталась понять, что она имеет в виду. – Все должны поклоняться в святилище Бьянки Ломан.

– Сэди? – послышался откуда-то женский голос. – Это ты?

– Началось, – пробурчала Сэди, толкая меня бедром в бок.

Только тогда до меня дошло, что всегда означал ее характерный взмах руки, – ее мать, Бьянку. Грант был всегда в одном и том же настроении, уравновешенный и непреклонный, но хотя бы предсказуемый. От него я узнала, что такое на самом деле власть. А Бьянка могла усыпить твою бдительность похвалой лишь затем, чтобы дожидаться, когда она уснет, и нанести удар. Но сбить спесь с другого может кто угодно, даже я. А вытащить кого-то из одного мира и перетащить в другой – это и есть настоящая власть.

На том первом ужине я подражала каждому движению Сэди, сидела тихо, старалась не высовываться. Но я заметила, как сжимались их челюсти по мере того, как разрастался список моих провинностей: никакого колледжа даже на горизонте, никаких карьерных планов, никакого будущего.

Сэди завоевывала их доверие ради меня, малыми дозами, на свой лад. Я была проектом. К концу лета ее отец предложил мне стипендию на время учебы на ближайших бизнес-курсах – инвестиция в будущее, как он выразился. На следующий год они купили дом моей бабушки и в качестве одного из условий сделки разрешили мне поселиться у них в гостевом доме. Отвечать вкусу положения Сэди Ломан.

* * *

В конце концов я стала работать в компании Ломанов на полную ставку, управляя их активами в Литтлпорте и присматривая за их собственностью во время их отсутствия. Я сумела пробиться наверх своим трудом, показать себя.

Но непросто было избавиться от паранойи, которая возникла, когда среди ночи, спустя долгое время после того, как должны были вернуться родители, в дверь позвонили дважды, и я, бросившись открывать, увидела не маму, со смехом роющуюся в сумочке и в то же время отводящую темную челку, упавшую на глаза, – «опять ключи посеяла!» – и не отца, с лукавой улыбкой наблюдающего за ней и качающего головой. А полицейских у нас на веранде.

Поэтому я всегда являлась заранее – на встречу, показ дома, к телефону, если договаривалась созвониться. Мною двигала ошибочная надежда, что на этот раз я смогу заранее предвидеть то, что надвигается.

– Столик забронировал Паркер Ломан, – сообщила я администратору. Фамилию Ломанов было неизменно приятно называть и смотреть, как неуловимо меняется выражение лиц, как быстро происходит адаптация. Администратор с улыбкой повела меня к столику, стремясь услужить чему-то большему, чем я.

Я села спиной к стене и лицом к открытому залу и окнам, выходящим на пристань и бухту за ней, – вид с этажа на один выше первого. Но уже через несколько мгновений замерла, увидев, как та же администратор ведет в мою сторону детектива Коллинза. Она взмахнула волосами, указывая на мой столик, и у меня екнуло сердце. Его улыбка при виде меня длилась долю секунды, к тому времени, как он сел, я успела собраться с духом.

– Привет, Эйвери, а я и не знал, что вы присоединитесь к нам, – сказал он.

Я скомкала салфетку у себя на коленях и медленно разжала пальцы.

– И я не знала, что вы входите в этот комитет, детектив.

Впрочем, логично. Если бы я дала себе труд задуматься, я, наверное, догадалась бы о нем.

– Просто Бен, пожалуйста, – попросил он.

Вместе с комиссаром городской полиции Джастин Макканн детектив Бен Коллинз занимался организацией и проведением большинства мероприятий – от молодежных парадов Чет-

вертого июля до фестивалей на Харбор-драйв в День города. Именно его я встретила на утесах той ночью. Он светил фонарем мне в лицо, ослепив меня. А потом устроил мне допрос. И хотел выяснить все, что только мог, о вечеринке и о том, почему я вернулась к краю утесов.

По общепринятым представлениям он был хорош собой: широкоплечий, с крепким подбородком, ясными блестящими глазами, с первыми признаками зрелого возраста, которые лишь придавали ему притягательности, с точки зрения окружающих. Но я могла воспринимать его только как участок негативного пространства. Как в ту ночь, с фонариком, свет которого отбрасывал на его лицо пугающие тени, так и всегда.

– Ну что ж, – продолжал он, отпив воды из бокала, – рад встрече с вами. Давно не виделись. Где вы теперь живете?

Я не ответила, притворившись, будто изучаю меню.

– И я тоже рада вас видеть, – сказала я.

Трудно было понять, где заканчивается любезная беседа и начинается допрос. До тех пор, пока не нашли записку Сэди, он сидел напротив меня за моим кухонным столом и раз за разом перебирал подробности моего рассказа о том вечере. Как будто заметил в моих первых показаниях нечто насторажившее его.

«С кем вы были? Зачем звонили ей? Писали ей сообщения?» И на следующем моменте всегда заострял внимание: «Но вы за ней так и не съездили?»

Шквал вопросов был стремительным и грубым, так что я порой не могла сказать, вспоминаю я события того вечера или то, что ответила ему в прошлый раз.

«Кто еще там был? Вы знали, что она встречалась с Коннором Харлоу?»

– Хорошо, что вы здесь, – сказал он. – Честно говоря, я как раз сегодня собирался звонить вам.

Я ждала, затаив дыхание. Тот список имен, который он дал мне, был, как я теперь понимала, способом найти пробел в чьих-то показаниях. Вытрясти всю правду. И когда во время допроса он встал, чтобы позвонить, а его напарник отвернулся, я сфотографировала список на свой телефон, пытаюсь понять, что же они увидели. Но оказалось, что напрасно. В тот же день они нашли записку Сэди, и с тех пор остальное уже не имело значения. Но, сидя напротив него сейчас, я почти ожидала, что он снова начнет цепляться к мелочам, выискивая расхождения.

– Я слышал, какие-то проблемы возникли вчера вечером в одном из сданных в аренду домов, – сказал он.

– Да уж, – я покачала головой. – Но ничего не пропало.

Он разгладил скатерть на столе перед собой.

– Арендаторы здорово перепугались.

Я вскинула голову.

– Вы там были?

Он кивнул.

– Я принял вызов. Зашел, осмотрелся, постарался успокоить их.

– Почему же вы не позвонили мне вчера?

Единственным пропущенным в моем телефоне был звонок от Доналдсонов.

– Не стоило ради этого никого будить, – ответил он. – Честно говоря, я не заметил никаких признаков того, что там побывали посторонние.

– Ну что ж, – я расслабила плечи, – и мы тоже не будем обращаться в полицию. Арендаторы решили съехать. В составлении протокола нет необходимости.

Во время затянувшейся паузы он внимательно смотрел на меня.

– Я знаю, как выполнять свою работу, Эйвери.

Я отвернулась, давние ощущения вновь пробудились во мне. Как будто он искал скрытый смысл в каждом моем слове.

– А вот и Паркер, – объявила я, увидев, как он входит в комнату вместе с Джастин Макканн и еще одной женщиной. Пока они приближались, я узнала ее в лицо, но имени так и не вспомнила. Примерно моих лет, светло-каштановые волосы заплетены в колосок, очки в красной оправе точно в тон губной помаде.

Паркер наклонился и поцеловал воздух возле моей щеки, чем удивил меня.

– Извини, если заставили тебя ждать, – произнес он.

– Вовсе нет.

Он пожал руку детективу и продолжал знакомить присутствующих.

– Джастин, вы ведь знаете Эйвери Грир?

– Разумеется, – с вежливой улыбкой ответила Джастин. Она была старше всех нас по меньшей мере лет на двадцать и уже по одной этой причине приковывала к себе внимание. – Рада, что вы смогли составить нам компанию, Эйвери. А это мой ассистент Эрика Хопкинс.

– Вообще-то мы знакомы, – подала голос Эрика, взявшись за спинку стула. – Если не ошибаюсь, вы с бабушкой жили по соседству с моей тетей Ивлин?

– Точно. Да. Привет. – Только теперь я вспомнила ее. Эрика Хопкинс не училась в школе вместе с нами, а приезжала к тете на летние сезоны. Но я не видела ее уже много лет.

Она скованно улыбнулась:

– Рада снова видеть вас.

– Как ваши родители, Паркер? – спросил детектив Коллинз, когда все расселись за круглым столом.

– В порядке. – Паркер провел ладонью по волосам, а большим пальцем – сбоку по лицу. Нервная привычка, почесывание редкой, как тень, щетины. – Они все-таки собираются на церемонию.

– Замечательно, – хлопнула в ладоши Джастин. Будто можно было извлечь из сказанного хоть какой-то позитив. Дань памяти погибшей девушке. Приезд ее скорбящих родителей, еще недавно готовых возложить вину за случившееся на местных жителей. Я даже не замечала, что качаю головой, пока вдруг не перехватила обращенный на меня любопытный взгляд детектива.

– Но с парой условий, – добавил Паркер, вытирая ладони о брюки под столом. Я увидела, что он превратился в Паркера-бизнесмена. Раскатанные рукава наглухо застегнутой рубашки предупреждали о том, что будет дальше. Легко было бы приписать его позицию одной только клановости, но приходилось признать, что он на диво ловко убедил нас всех, что мы на одной стороне и хотим одного и того же, – и ему известно, что именно нам нужно.

От разговора я отвлеклась, когда они начали обсуждать освещение в прессе новой инициативы Ломанов. Программы профилактики суицидов, ориентированной на работу с населением и предназначенной для оказания психиатрической помощи и проведения обследований. Об этом я уже знала – читала и статьи, и отклики общественности. Каким-то образом смерть Сэди лишь сделала Ломанов более примечательными и достойными. Как будто эта трагедия облагородила их – убитых горем после смерти Сэди и постепенно восстанавливающихся, возрождающихся из пепла своей прежней жизни. Все это выглядело тошнотворно.

Я сосредоточила все свое внимание на салате с омарами, который подали всем, – легком и сытном, и пыталась вспомнить, когда в последний раз побывала здесь вместе с Ломанами.

И вздрогнула, внезапно вспомнив: в день рождения Сэди. В конце июля прошлого года. С ее родителями, Паркером и Лус. Сэди казалась рассеянной. Дерганой. У нее недавно изменились рабочие обязанности. Мне подумалось, что она чем-то озабочена. *«Отчужденная и отстраненная»* – так позднее назвала это состояние полиция. Как будто это был первый симптом, который мы проглядели.

– Эйвери?.. – Паркер смотрел на меня так, будто только что задал мне вопрос. – Ты возьмешь на себя статью в газете? Подыщешь подходящую фотографию?

– Конечно, – сказала я. Только теперь мне стала ясна собственная роль. Джастин привела с собой свою ассистентку, а Паркер – свою. Я работала на Ломанов, была деталью декорации, демонстрацией влияния. И даже оделась соответственно.

Мы встали из-за стола, прощаясь друг с другом.

– В ближайшее время я свяжусь с вами, – пообещала Эрика, пока мы выходили, и протянула мне свою визитку. Она спустилась по дощатым ступеням крыльца, опередив нас, всех остальных. Дойдя до своей машины, она обернулась и подняла голову, но выражение ее лица оказалось для меня загадкой.

Оставалось лишь гадать, что наговорила ей Ивлин.

* * *

Паркер стоял рядом со мной, пока остальные разъезжались. Он коснулся моего плеча, я вздрогнула.

– Расстроилась? Извини, Эйвери. Родители прислали меня сюда, считая, что я справлюсь. Но я не могу. Мне правда нужна твоя помощь.

Я перешла через улицу к своей машине, втиснутой между двумя дорогими внедорожниками, и он последовал за мной, подстраиваясь к шагу.

– Господи, Паркер, может, в следующий раз хотя бы предупредишь заранее? И потом, я понятия не имела, что детектив Коллинз тоже в этом участвует. Боже.

Он положил ладонь на крышу моей машины и склонился ко мне.

– Понимаю. Да, это нелегко.

По-моему, ничего он не понимал. К тому времени как Паркер начал давать показания, рядом с ним уже был адвокат его семьи. И, вероятно, в той же комнате находился его отец, осуществляя общий надзор. Паркер был братом жертвы, к нему относились соответственно. А я – порождением Литтлпорта, пешкой совершенно не на своем месте, и детектив Коллинз не доверял мне с самого начала.

«Кто-нибудь может поручиться за вас и за все это время, Эйвери?»

«Паркер, Лус, полный дом народу. Они видели меня. Я была там».

«Вы могли на время отлучиться. Они не в состоянии отвечать за каждую минуту».

«Но я не отлучалась. И, как я уже говорила вам, она посылала мне сообщения. С ней все было в порядке».

«А что насчет Коннора Харлоу?»

«А что насчет него?»

«Вы заметили, в каком состоянии он был прошлым вечером?»

«Ничего я не заметила. Мы с Коннором больше не общаемся».

– Это будет много значить, – добавил Паркер, – если ты поможешь мне здесь.

Поменял тактику, чтобы привлечь меня на свою сторону.

– Ты же вроде бы говорил, что твои родители не приедут на церемонию, – напомнила я, не сумев скрыть упрек в голосе.

Он смотрел в телефон, отправлял какое-то сообщение.

– Ну, это еще неизвестно. Может, и не приедут.

Внимание, уделенное лишь отчасти. Частичная заинтересованность.

– Но пусть лучше другие думают, что приедут. Так будет легче во всех отношениях.

Паркер всегда говорил людям то, что им хотелось услышать, и я не смогла определить, в расчете на кого из нас он сейчас действует.

Ложь давалась ему безо всяких усилий – как тогда, так и теперь.

И, как мне казалось, составляла всю их жизнь.

Глава 5

Я вошла в мини-отель «Мыс», и мистер Силва вежливо улыбнулся. Летом каждый из нас следил за тем, чтобы его лицо выглядело спокойным и предсказуемым – маска, деталь бесконечного фарса. Ничто в поведении мистера Силва не указывало, что мы с Фейт в детстве бегали наперегонки по здешним коридорам, смеялись в такт топоту наших босых ног, а он кричал нам вслед: «Дети, осторожнее!» Или что много лет спустя ему пришлось вызвать полицию, чтобы выдворить меня из мини-отеля.

– Добрый день, – поздоровался он. Отцу Фейт придавали сходство с рыбаками вечный загар на обветренном лице и руки, узловатые не от перетаскивания ящиков с омарами, а от плотницкой работы, но разницы никто не замечал. Все члены семейства Силва выглядели как единое целое с побережьем Мэна, отчасти порожденное им. В последний раз, когда я видела миссис Силва, ее волосы поседели на висках, но в остальном шевелюра осталась прежней, огненно-рыжей. И морщины у нее на лице обозначились глубже, будто она много лет провела на балконе лицом к ветру, глядя на океан. Оттенок волос Фейт был ближе к каштановому, но они буйно курчавились, а она никогда не удосуживалась приглаживать их – ни на йоту не изменяла себе. Люди судили по внешнему виду и с готовностью покупали все, что бы им ни рекламировали.

Я прошла напрямик к большой дубовой стойке администратора в вестибюле высотой в два этажа и выложила на стойку конверт, на котором моим неразборчивым почерком было написано: «Кевину Доналдсону».

– Здравствуйте, мистер Силва. Кажется, у вас сегодня зарегистрировалась семья Доналдсон? Вы не могли бы передать это им?

Дверь в кухню за стойкой распахнулась, Фейт замерла на пороге. За ее спиной покачивалась на петлях дверь.

– О, а я не знала, что здесь кто-то есть. – Она прокашлялась. Под «кем-то» она явно подразумевала меня.

– Привет, Фейт. С возвращением.

Ее мешковатая футболка спустилась с одного плеча, была видна выступающая ключица. Черные легинсы, черные шлепки и волосы, собранные в конский хвост. Если не присматриваться – все та же девчонка, которая пробиралась ночью в кухню за вкусеньким для гостей, оставшихся с ночевкой, носилась босиком как по дому, так и за его пределами, и каждый ее шаг был пружинистым, будто в ожидании выстрела из стартового пистолета. Но с тех пор, как я видела ее в прошлый раз, она заметно отошла. И судя по ее взгляду, видимо, тоже оценивала перемены в моей внешности.

– Спасибо. – Она поспешно повернулась к стойке. – Маме нужно знать, на сколько человек готовить обед, когда у тебя будет свободная минутка.

Мистер Силва кивнул, и Фейт снова скрылась за качающимися створками дверей. Я слышала, она закончила учебу, вернулась и должна была принять управление мини-отелем сразу же, как только ее родители уйдут на пенсию.

– Наверное, приятно снова видеть ее дома, – сказала я.

– Так и есть. Вам непременно надо как-нибудь зайти в гости, когда она будет не так занята.

– Обязательно.

Обмен любезностями. И он говорил не всерьез, и я тоже.

В коридоре наверху послышались шаги, я инстинктивно подняла голову, но не заметила ничего, кроме тени на стенах вдоль изогнутой двойной лестницы.

Этот дом был огромен и со временем только разрастался; я привыкла воспринимать его как замок. Арочные дверные проемы, укромные подоконники-банкетки, стенные шкафы внутри стенных шкафов. Поручни со стороны высокого берега, сделанные из необработанного дерева. Балконы, опасно нависающие над обрывом, с перилами в вечном налете мельчайших соленых брызг. Фейт тоже жила здесь, на чердаке, переделанном в мансарду, где все мы, когда еще учились в средней школе, впервые выпили, передавая бутылку по кругу.

На секунду мне вспомнился Коннор, каким он был в то время, когда казалось, что сохранять неподвижность он вообще не способен. Как он исчезал, стоило только отвернуться, чтобы вновь появиться, едва его отсутствие замечали. И как создавалось ощущение, что за время паузы он успевал прожить целую жизнь, а мы, все остальные, будто застревали в замедленной съемке.

Мистер Силва увидел, что я смотрю в сторону лестничной площадки, и пока шаги удалялись, придвинулся ближе и понизил голос:

– Доналдсоны уже устроились на новом месте. Честно говоря, вид у них слегка ошарашенный. Что же там стряслось, Эйвери? – И он указал подбородком в сторону домов, сдающихся в аренду. Все они находились в пределах нескольких минут ходьбы пешком, но не были видны отсюда.

– Не знаю, – ответила я, вновь вглядываясь в сторону пустого полутемного коридора. – Сейчас пойду выяснять.

* * *

Доналдсоны снимали «Голубую мухоловку» – место проведения прошлогодней вечеринки «плюс одна». Я не раз бывала там с тех пор, но никогда не задерживалась надолго. Когда дом пустовал, я старалась, чтобы мои обходы были быстрыми и эффективными. Иначе напоминаний оказалось бы слишком много.

Этот дом не был местом гибели Сэди, поэтому полиция вскоре перестала навещать туда. Однако ему предстояло навсегда остаться местом, где я в последний раз представляла ее себе живой. Где ждала ее финального сообщения, последних слов, которые она собиралась сказать мне:

«Никто не понимает».

«Мне будет тебя не хватать».

«Прости меня».

Я так никогда и не узнаю, что именно она хотела написать. Полиция пыталась разыскать ее телефон, но GPS был отключен на нем еще до нашего знакомства – пережиток подростковых подозрений Сэди, что родители отслеживают каждый ее шаг. Полицейские обнаружили только, что телефон отключен и, скорее всего, упал в море, когда она прыгнула со скалы.

Тропа от мини-отеля до домов на высоком берегу петляла между деревьями и проходила мимо «Голубой мухоловки». Так же легко я могла бы добраться до дома на машине, только сделать небольшой крюк до следующего съезда, но мне не хотелось, чтобы кто-нибудь услышал шум и заметил, что я приближаюсь, не хотелось, чтобы мою машину увидели и задались вопросом, что происходит.

Я шагала по той же тропе, по которой бежала почти год назад вслед за Паркером и Лус. Мчалась навстречу тому, что нам было не под силу остановить. Теперь, по прошествии времени, я понимала, что Паркеру не следовало садиться за руль. Как и никому из нас. Ночь имела размытые очертания – вечеринки часто действовали на меня таким образом. Обрывки и отголоски возвращались ко мне неожиданными всплесками во время допросов, трансформировались в неуклюжую хронологическую последовательность того, что я сказала, сделала, видела или слышала.

Стоя на передней веранде, я почти чувствовала по другую сторону двери людей – их возбуждение, смех – еще до того, как все переменялось.

Доналдсоны выполнили условия договора, оставив ключ от дома в конверте, а конверт – в почтовом ящике возле входной двери. Да, не самый безопасный способ, но одна из условностей спектакля. Часть истории этих мест, которую мы преподносили приезжим. В Литтлпорте насчитывалось множество очевидных опасностей, несмотря на то что мы уверяли туристов в обратном. *Здесь совершенно безопасно*, объясняли мы им и, строго говоря, не обманывали – если судить по статистике преступности.

Но других опасностей это не отменяло. Машину в темноте, горный серпантин. Ледяную дорожку на тротуаре. Край утеса, бурное течение, острые камни.

Горы и воду, зимний холод, летнюю беспечность.

Чудом предотвращенные трагедии, не получившие огласки: такие как ушедшие в поход и пропавшие туристы (нашлись спустя два дня), женщина, упавшая в ущелье (она ухитрилась вызвать помощь, но лишь потому, что при ней был телефон), недооценившие течение и запаниковавшие гребцы на каяках, которых ловцам омаров приходилось вылавливать одного за другим на протяжении всего сезона.

И немало других случаев, но мы делали вид, что их не было.

Когда я вошла в дом, в нем все еще витали запахи завтрака. Арендаторы оставили посуду замоченной в раковине, будто собирались загрузить посудомойку до прихода уборщиков.

Поначалу я не заметила никаких следов чужого пребывания, как и говорил детектив Коллинз. Неровно стоящие стулья в гостиной оставили скорее всего Доналдсоны. Как и грязные отпечатки пальцев на поверхностях и загнутый угол ковра в гостиной.

Но потом взгляд стал цепляться за мелкие подробности: перевернутую вверх ногами подушку на диване, будто кто-то убирал подушки с него, а потом вернул на прежнее место, но не так, как было. Ножки обеденного стола в столовой уже не совпадали с вмятинами на ковровой дорожке под ним. Вряд ли у Доналдсонов имелись причины переставлять мебель.

Я сделала круг по всему дому – проводила пальцами по подоконникам, дверным косякам, проверяла замки. Все они казались надежными. Я остановилась у второго окна, обращенного назад, за дом, – более светлого и блестящего, чем все остальные. Его заменили после той вечеринки «плюс одна», так как по стеклу разбежалась паутина трещин. Одно из последствий вечеринки, свидетельство того, как рискованно созывать пестрое сборище к себе домой.

Я сама заказывала окно на замену. И теперь провела пальцами по раме – чуть более тонкой, с блестящим замком. Он был заперт. Но не такой модели, как на других окнах, а новее, с язычком настолько тонким, что вряд ли он держался как следует. При попытке поднять раму она легко заскользила вверх, несмотря на замок. Я чертыхнулась. По крайней мере, теперь не придется тревожиться о том, что у кого-то есть ключ.

Для начала требовалось убедиться, что вся наша собственность цела; дома, сдающиеся в аренду, ценными вещами мы не украшали, но лучше было все-таки наскоро все проверить. Судя по перевернутым подушкам, тот, кто побывал здесь, искал какие-то спрятанные ценности. В съемном жилье, где не было сейфа, арендаторы обычно прятали ноутбуки между матрасом и пружинной сеткой кроватей. А драгоценности закапывали под одежду и белье, на самое дно ящиков комода.

Дверь в большую спальню в самом конце коридора осталась закрытой, но я рассудила, что именно там могло быть что-то спрятано и туда же неизвестный явился на поиски.

Едва открыв дверь, я уловила запах морской соли и лаванды. На белом деревянном комодике была оставлена зажженная свеча. Забытая Доналдсонами при выселении. Напрямую правилами это не запрещалось, но находка заставила меня задуматься, стоит ли вообще держать в доме свечи. Я задула пламя, витая струйка черного дыма поднялась в воздух, отразившись в зеркале, и рассеялась.

В ящиках комода не осталось никакой одежды, в ванной на полках не обнаружилось никаких забытых мелочей. Двухспальная кровать осталась незаправленной, на нее только накинули белое стеганое одеяло, не расправив его. Я открыла сундук в изножье кровати, где мы хранили одеяла, и запах оттуда, затхлый и землистый, напомнил мне чердак бабушкиного дома. По верхнему одеялу шмыгнул паук, я отскочила, по рукам побежали мурашки. Вероятно, эти одеяла весь сезон пролежали здесь нетронутыми. Их требовалось перестирать, а сам сундук – почистить пылесосом и протереть мебельной полиролью; на следующей неделе ожидался приезд еще одной, последней в этом сезоне семьи.

Я выгребла стопку тонких и стеганых одеял, боязливо затаив дыхание, и вдруг что-то привлекло мое внимание в дальнем углу сундука.

Это был телефон. Поначалу я предположила, что его забыли Доналдсоны – потому что спрятали здесь, как сделала бы и я. Но в верхнем левом углу экрана виднелась трещина, телефон казался давным-давно разрядившимся, вероятно, потерянным и забытым какой-нибудь из семей, отдыхавших здесь ранее в этом же сезоне. Я уже собиралась сунуть его в карман, как вдруг заметила красный мазок в углу простого черного корпуса. И сразу поняла, что это лак для ногтей. Телефон был испачкан им в самом начале прошлого лета, когда она набирала сообщения, не дождавшись, пока высохнут ногти.

Все попытки стереть лак только сильнее размазали его. Это придает ему *индивидуальность*, заявила она тогда.

Я села на край постели, у меня затряслись пальцы.

Я знала, что держу в руке телефон Сэди Ломан.

Лето 2017

Вечеринка «плюс одна»

21:00

Это была ошибка.

Я стояла на передней веранде «Голубой мухоловки» и смотрела, как из-за деревьев, окружающих дом, группами по двое и по трое появляются гости – смеются, несут выпивку. Лавируют между деревьями, выбираясь оттуда, где оставили машины, некоторые не удосуживаются дойти до передней двери и вместо этого заходят в дом через патио. Я надеялась, что прибой заглушит шум нашего сборища.

Вечеринка на этот раз должна была пройти в доме Ломанов, но Сэди высказалась категорически против. Они с Паркером долго спорили по этому поводу, Паркер твердил, что так будет по-честному, как будто всегда играл по правилам, а Сэди взывала к его стремлению все держать под контролем: «Ты правда хочешь, чтобы все они завалились к нам домой? Терлись среди наших вещей? В наших комнатах? Да ладно, ты же понимаешь, что из этого выйдет».

Паркер пытался парировать каждый довод, как обычно поступал в бизнесе и в жизни:

– Значит, Эйвери поможет присмотреть за вещами. Значит, закроем доступ в наши спальни.

– М-да? – ехидно переспросила она, вытаращив глаза. – На дверях нет замков, и чем же ты собираешься подкрепить запрет? Забаррикадировать двери мебелью? И кидаться *в драку*, если кто-нибудь не подчинится?

– Не смейся, – сказал Паркер, отворачиваясь, и совершенно напрасно.

У меня невольно напряглись плечи, а Сэди с шумом втянула воздух, придвигаясь к брату.

– Ладно. *Сам* будешь объясняться с папой по поводу его письменного стола, загаженного каким-нибудь пьяным местным. *Сам* скажешь Би, что кто-то блевал у нее на кухне.

Он рассмеялся.

– Господи, да никто не загадит этот гребаный стол, Сэди. Хватит уже вести себя так, будто вокруг одни отбросы. Честно говоря, – продолжал он, сверля ее взглядом, – хуже, чем от твоих выходок, уже не будет.

В этот момент я решила вмешаться.

– Мы могли бы устроиться в одном из домов, которые сдаются в аренду, – сказала я. – Оба дома на высоком берегу будут пустовать на этой неделе.

Сэди кивнула, ее лицо заметно расслабилось, кулаки разжались. Я видела, что и Паркеру мысль понравилась, он задвигал челюстями, обдумывая ее.

– В «Закатном приюте», там больше места, – решил он.

Но я покачала головой. Никто не знал эти дома лучше, чем я.

– Нет, – возразила я, – «Голубая мухоловка» удачнее расположена. Там нас не заметят.

* * *

Но теперь, стоя на передней веранде, пока вечеринка только набирала обороты, я уже сомневалась в правильности этого решения. Машины выстроились вдоль улицы в обоих направлениях – вероятно, нарушая какие-нибудь нормы противопожарной безопасности, из-за них на улице едва хватало места для проезда. Я вытянула шею, высматривая свою машину,

которую оставила в конце короткой подъездной дорожки к «Закатному приюту» через дорогу, передом к выезду, чтобы загородить другим доступ на территорию дома. Кто-то уже запер меня, припарковавшись под углом прямо напротив въезда на дорожку.

Из-за деревьев и сгущающихся сумерек я не могла разглядеть, насколько далеко тянется вереница машин. Уличных фонарей здесь, на высоком берегу, еще не было – только светилась лампа на веранде и время от времени по тротуару скользили лучи фар, когда подъезжала очередная машина.

– Все в порядке? – Паркер остановился за моей спиной в открытых дверях. Он хмурился, вглядываясь в темноту поверх моего плеча.

– Да, в полном.

Поводов для беспокойства у меня набирался целый список: количество гостей, которые все еще прибывали, запасы спиртного, а также то, что я, убрав хрупкие интерьерные украшения, не подумала про напольные коврики под ножками мебели, а заменить их будет гораздо труднее.

Но сегодня мне было незачем оставаться собой. Эта ночь – для забвения.

* * *

Я вошла в дом вслед за Паркером и тут же потеряла его в толпе, заполонившей кухню. И очутилась в самой гуще знакомой игры.

Включили музыку, что-то исступленно-буйное, хотя никто не пустился в пляс и не пританцовывал в ее ритме. Но кухонный стол-островок обступила целая компания, а на столе перед ней выстроились стопки.

Я протиснулась поближе к столу.

– Вот-вот, – воскликнула я и с улыбкой взяла одну из стопок.

– Очень вовремя, – отозвался мой сосед. Он показался мне смутно знакомым, но был немного моложе меня, а я давным-давно оставила всякие попытки запомнить имена тех, кто начал приезжать в город в последнее время. – Я как раз собирался рассказать всем про Грегa и Кэрис Фонтейн, – продолжал он.

Грег со стуком поставил свою стопку, изумленно разинув рот.

– Не вздумай отпираться, – с широкой ухмылкой предупредил еще один из мужчин. – Я вас видел. Внизу, в «Логове».

Тогда Грег покачал головой, улыбнулся и опрокинул очередную стопку. И остался в игре.

Отпущение тайн, интрижек и раскаяний продолжалось. Игра без правил и без способа выйти из нее, кроме как выпить еще. Одно чистосердечное признание или один чужой выданный секрет – одна стопка. Время шло, и вскоре уже приходилось придумывать, что бы еще сказать.

И так далее, круг за кругом. Вскоре я уже перестала узнавать большую часть имен.

Шесть лет назад мы с Сэди стояли бок о бок у стола, похожего на этот, на моей самой первой вечеринке «плюс одна». После того дня на пляже мы вошли в состояние непринужденной легкости, провели последующие месяцы тем образом, который казался и неизбежным, и недолговечным, и вечеринка «плюс одна» стала идеальным финалом.

Один из друзей Паркера ткнул пальцем чуть ли не в лицо Сэди и объявил: «Ты была в моем доме. С моим братом». Румянец пополз вверх по ее шее, но, вместо того чтобы возмутиться, она приняла вызов: «Ты прав, была. По-твоему, это я виновата? Смотри, я даже покраснела от одной только мысли об этом».

Это придавало ей смелости – когда кожа свидетельствовала о том, как она сконфужена. Она говорила, что бессмысленно прятаться от самой себя, если лицо все равно выдает все ее тайны.

Я видела, как остаток ночи этот друг не сводил с нее глаз. В то время она была по-детски тоненькой. Почти незаметной на групповых снимках. Но даже тогда она была способна в мгновение ока поработить любого.

Теперь, по прошествии времени, мне ясно: в первую очередь меня привлекло то, что извиняться было незачем. Ни за то, что ты натворил, ни за то, кто ты есть. Из всех перспектив, открывшихся мне в то первое лето, это особенно опьяняло.

– Эй! – окликнул меня Грег, обведя комнату расслабленным взглядом и останавливая его на мне. – А где Сэди?

Грега Рэндолфа я успела узнать за шесть лет, пока вращалась в этом мирке. По тайнам, которыми делилась Сэди, по тому, как она могла свести кого угодно к обрывку фразы. Его дом в нагорном районе Хоукс-Ридж был почти таким же шикарным, как у Ломанов. Но отчетливее всего в ее оценке Грега Рэндолфа мне запомнилось первое, что она упомянула о нем, – «гнусная пьянь, как его отец». Раньше он был крепким и мускулистым, но теперь мало-помалу становился рыхлым, черты его лица теряли четкость. Темные, зализанные назад волосы, загар на грани ожога вблизи переносицы. С годами он так и не уgomонился, добиваясь Сэди, и она не перестала во всеуслышание отшивать его.

Поскольку мы здесь вываливали всю правду, я не удержалась.

– Где надо, – ответила я, – и встречаться с тобой по-прежнему не собирается.

В толпе вокруг стола послышался приглушенный смех, но пить никто не стал, а темные брови Грега взлетели вверх – он не сумел скрыть эту стремительную вспышку гнева. Но быстро овладел собой, и его губы растянулись в понимающей улыбке.

– Да я в курсе. Когда я в прошлый раз видел твою подружку Сэди, она выбиралась из лодки с тем местным, которого я только что видел, – он указал подбородком в сторону патио, но я не поняла, о ком он говорит. – Только вдвоем на закате. Вот уж не думал, что она падка на такое, но мне-то откуда знать? Я так понял, это была моя очередь откровенничать. Жаль, что она все пропустила.

Я нахмурилась, а сосед Грега уточнил:

– Ты про того парня из яхт-клуба?

Грег рассмеялся.

– Нет, с чего вдруг? Про того, который возит народ на рыбалку, – знаешь?

Коннор. Он имел в виду Коннора. На самом деле Коннор не только рыбалкой занимался. Он почти в одиночку управлял изо дня в день компанией своих родителей. Вел учет, забирал грузы с пристани, следил, чтобы дневной улов развозили по всем ресторанам города, как крупным, так и мелким. А в свободное время и после работы катал отдыхающих, в том числе и на рыбалку. Но для него это был не основной вид деятельности.

– Странно, что ты не знала, – сказал Грег, и я разозлилась, что он так легко прочел это по моему лицу. Он улыбнулся, у меня кружилась голова. Коннор. Сэди и Коннор. Этого не может быть, но здесь он сегодня наверняка именно поэтому. Грег указал на следующую стопку:

– Выпьешь эту за нее?

Я пододвинула стопку к нему.

– Я пас, – сказала я, сделав выбор в пользу равнодушия – тем же способом отшила бы его Сэди.

– Пока мы болтали, – продолжал Грег, ставя локоть на стол, липкий от пролитой выпивки, – я тут задумался... Ну, не я один – все мы вроде как гадаем: что именно ты делаешь для Ломанов?

Он стоял так близко, что на резком выдохе я уловила кислую вонь его дыхания. И машинально отпрянула от нее, а улыбка Грега стала шире: он сделал ошибочный вывод, что задел меня за живое. Слухи до меня долетали не раз. Что я любовница Гранта. Или Бьянки. Что я состою на службе у чего-то зловещего и тайного, того, что пытаются замаскировать, выставив

меня в качестве прикрытия. Как будто сама идея великодушия, или дружбы, или родственных уз, не связанных с обстоятельствами рождения, оказалась слишком невообразимой.

«Зависть, – сказала бы Сэди. – Гадость, гадость». И еще: «Да ты не переживай, мы же из Брейкерс. Им полагается нас ненавидеть».

– Игра так не ведется, – сказала я. Потому что знала: любые оправдания только возбуждают их любопытство.

Грег наклонился ко мне, чуть не потеряв равновесия. Вечеринка продолжалась от силы два часа, а он уже успел надраться.

– Игра ведется так, как мне хочется, подруга.

До меня вдруг дошло, что он ни разу не назвал меня по имени. Вообще его не знал или демонстрировал силу в том числе и таким способом? Я отступила назад, обернулась и чуть не столкнулась нос к носу с Лус, карие глаза которой стали неестественно огромными. Она схватила меня за руку ледяными пальцами.

– А я как раз тебя искала, – сообщила она. – Тут кое-что случилось.

– Что? Что случилось? – Но мысленно я застряла в предыдущем разговоре, мой мозг не поспевал за событиями.

– Окно.

Она потащила меня через кухню в угол гостиной. Одно из окон, выходящих во двор за домом сбоку от патио, было разбито. Нет, *почти* разбито. Стекло еще держалось в раме, но его предстояло заменить. Как будто кто-то врезал по нему битой. Я наклонилась, чтобы глаза оказались на уровне точки, в которую пришелся удар, провела пальцами по паутине трещин, расходящихся из центра.

Сквозь стекло было видно, как Коннор спорит с кем-то, стоящим в тени. Я сдвинулась в сторону, пытаюсь разглядеть его собеседника, но на фоне ночного неба через стекло он был виден раздробленным на десятки частиц.

Он обернулся в мою сторону, затем сделал шаг в сторону, за пределы видимости. Я закрыла глаза и медленно вздохнула.

– Надо бы закрепить стекло, – сказала я, – чтобы никто не поранился.

Я знала, что аптечка первой помощи находится в большой спальне дальше по коридору и что в ней есть липкая лента на случай спортивных травм. Лента казалась наилучшим решением – как сдерживающее средство и временная мера до завтра.

Но дверь в большую спальню уже была заперта.

– Черт. – Я хлопнула ладонью по деревянной панели, звук эхом разнесся по узкому коридору. Надеюсь, от неожиданности люди там, в спальне, вздрогнули.

– Видимо, Сэди была права, когда не согласилась устраивать вечеринку у них дома, – заметила Лус.

Я вздохнула.

– Ничего, – сказала я, хоть и чувствовала, что стекло под моими пальцами готово распасться. Ему недоставало единственного усилия, чтобы рассыпаться на осколки и поранить кого-нибудь. Я была готова к тому, что за ночь хоть кто-то свалится в бассейн. Ждала пары опрокинутых стаканов, пятен, для выведения которых придется, возможно, обращаться к специалистам. Но не настолько значительного ущерба.

Какая-то женщина подняла красный стаканчик.

– За лето! – провозгласила она.

Лус в ответ подняла свой стакан, затем заметила кого-то в другом конце комнаты – видимо, Паркера. И ринулась туда, оставив меня стоять одну у входа в темный коридор.

Никто, похоже, не заметил, как я ускользнула через переднюю дверь. Как обошла дом сбоку, дыша одиночеством. Полным отсутствием чего-либо, кроме деревьев и приглушенного шума, который доносился изнутри дома.

Но оказалось, что здесь я не одна. Хрустнул сучок, зашуршал сухой лист, послышался шорох ткани.

– Эй! – позвала я. И добавила: – Сэди?

Именно так она двигалась. Легкой походкой. Самоуверенно. Даже не думая сбавить шаг ради кого-либо.

А потом в лесу все стихло, и когда я посветила фонариком на телефоне, то не увидела ничего, кроме теней, крест-накрест рассекающих темноту.

Лето 2018

Глава 6

Я сидела на краю кровати, уставившись на телефон в руке, а секунды утекали.

Телефон Сэди, который так и не нашла полиция. Телефон Сэди, предположительно утонувший в океане, вылетевший из ее руки в момент падения или заброшенный вдаль за мгновение до него.

Если в ту ночь Сэди была одна, как ее телефон попал *сюда*?

Теперь, представляя мигающие точки в окне сообщения, я мысленно видела окончательный текст:

«Помоги мне...»

Где-то в глубине дома скрипнула половица, я вскочила, сердце заколотилось.

– Эйвери? Ты здесь?

Сунув телефон в задний карман, я вышла из комнаты в короткий коридор. Посреди прихожей у передней двери стоял Коннор и ждал ответа, глядя вверх, в сторону лестницы.

– А-а, – протянул он, обернувшись ко мне.

– Эм-м, привет. – Я никак не могла сориентироваться. В заднем кармане у меня лежал телефон, передо мной стоял Коннор, и мы оба находились в доме, где были все вместе, когда она умерла.

Меня застали врасплох, потому что наши с Коннором отношения вышли из той стадии, когда мы постоянно общались или искали встреч друг с другом. И вот теперь он стоял передо мной и, казалось, сам не понимал, что он здесь делает.

Он был одет для работы, в джинсы и красную тенниску с логотипом компании Харлоу на груди слева. В любом виде Коннор всегда напоминал мне океан. Его голубые глаза поблескивали так, словно он слишком долго щурился на солнце. На ладонях остался налет от соленой воды. Кожа загорела вдвое сильнее, чем у кого бы то ни было – за время пребывания в море, где получаешь двойную порцию солнца: одну сверху, другую – отраженную от воды. За летние месяцы его каштановые волосы выцветали прядями, выбиваясь из-под кепки. Он всегда был худым, скорее жилистым, чем сильным, и черты его лица заострились уже к тому времени, как мы перешли в старшие классы.

– Что ты здесь делаешь? – спросила я.

Он ответил не сразу – просто стоял между мной и входной дверью, разглядывая меня. Я знала, что он видит: строгие брюки, элегантные туфли и блузка без рукавов превратили меня в другого человека с иной ролью. А может, все дело было в том, что я застыла как вкопанная, не зная, как быть дальше, словно что-то скрывала. В голове звучали давние вопросы детектива: «А что насчет Коннора Харлоу? Вы заметили, в каком состоянии он был прошлым вечером?»

Коннор нахмурился, словно догадался, о чем я думаю.

– Извини, – сказал он. – Дверь была открыта. Я видел твою машину возле мини-отеля, когда приехал с доставкой. Мистер Силва рассказал мне, что стряслось. Здесь все в порядке? – Он обвел взглядом нижний этаж.

– Все в целости.

– Молодник?

Я нерешительно кивнула, но не была в этом уверена; мне казалось, мы убеждаем в чем-то самих себя. Если бы не только что найденный телефон, объяснение казалось бы самым логич-

ным. Слишком хорошо знакомым нам, всем живущим здесь. В несезон мы сталкивались с проблемой молодежи. С проблемой наркотиков. С проблемой скуки. С неизбежной, экзистенциальной проблемой. Мы были готовы на все, чтобы скоротать здешнюю зиму. И если зимняя проблема переросла в летнюю, значит, со временем она усугубилась.

В мертвый сезон все мы заглядывали в чужие дома. Из любопытства, скуки, в стремлении искушать судьбу. Из желания посмотреть, насколько далеко мы сможем зайти и многое ли нам сойдет с рук.

Мы с Коннором знали все это так же хорошо, как и остальные. Однажды давным-давно зимой мы с ним и с Фейт стояли возле дома Ломанов: с плеч Коннора я забралась на балкон второго этажа, чтобы проникнуть в дом через окно большой спальни, которое забыли запереть. Мы ничего оттуда не взяли. Нам просто было любопытно. Фейт открыла холодильник, морозильник, шкафчики в ванной, ящики письменного стола – все пустые, – ее пальцы оставили следы на каждой поверхности, мимо которой она проходила. Коннор блуждал по комнатам пустующего дома, ни к чему не прикасаясь, но словно закладывая увиденное в память.

А я застряла в гостиной, застыв перед снимком на стене над диваном. Уставившись на семью на этом снимке. Мать и дочь – белокурые и тонкие, отец и сын – волосы заметно темнее, одинаковые глаза. Ладонь на плече каждого ребенка. Четыре фигурки из набора, все с улыбками и дюнами Брейкер-Бич на заднем плане. Ближе всех ко мне была Сэди Ломан. Я подошла почти вплотную, вглядываясь в детали. Кривоватый верхний клык, который еще не исправили. Мне представлялось, как ее мать подносит щипцы для завивки к ее прямым, как палки, волосам. Как фотограф ретуширует мелкие изъяны и веснушки пропадают с ее кожи.

Коннор наконец сделал круг по дому и застал меня перед семейным портретом в гостиной. Толкнул меня плечом, шепнул на ухо: «Сваливаем отсюда. Меня здесь прямо жуть берет».

* * *

Сейчас он стоял у противоположной стены комнаты, а я по-прежнему не понимала, что он здесь делает. И почему его так заинтересовало проникновение в дом, сдающийся в аренду, если из него ничего не пропало.

– Кем бы они ни были, попали они в дом через это окно, – сказала я, передергиваясь в ознобе. – Замок не держит.

На миг он встретился со мной взглядом, словно на него тоже нахлынули воспоминания.

– Дать тебе номер ремонта окон?

– Нет, у меня есть. – Я уставилась на окно, представляя себе лицо Коннора, каким видела его той ночью – раздробившимся в трещинах стекла, застрявшим в моей памяти. – Ты помнишь, как оно разбилось в ту ночь, когда погибла Сэди?

От ее имени он вздрогнул и поспешно потер щетинистую щеку, чтобы скрыть это.

– Не уверен. Видел только, как в доме, с другой стороны, стояла девчонка и осматривала стекло. Подружка Паркера Ломана.

– Лус, – подсказала я. Казалось, она следила за каждым моим шагом в то лето.

Он пожал одним плечом.

– Она казалась такой встревоженной, что я, честно говоря, решил, что она его и разбила. А что?

– Да нет, ничего. Просто задумалась.

Потому что телефон Сэди лежал у меня в кармане, и теперь все окончательно запуталось. Я затаила дыхание, желая, чтобы он ушел, не успев обратить внимание на мои руки. Которые я прижимала сбоку к ногам, чтобы они не тряслись. Но Коннор медленно прошелся по комнате, блуждая взглядом по окнам, мебели, стенам.

– Я помню ее, – сказал он, указав на картину на одной из стен.

Это была копия картины, написанной по снимку, который сделала моя мать с лодки отца Коннора однажды осенним вечером, до аварии. Мы тогда учились в средней школе, нам было лет тринадцать, наверное. На выходе из бухты она принялась делать один снимок за другим, фотографировала берег, пока вечер сменялся сумерками, а они – темнотой. Дома на побережье уже не были освещенными и приветливыми, а казались страшными черными тенями, стоящими на страже ночи. Мама продолжала делать снимки всякий раз, когда свет менялся, и так до тех пор, пока не стемнело полностью, так что я больше не видела теней, не могла отличить море от суши и от неба, потеряла всякое чувство ориентации в пространстве, перегнулась через борт, и меня вырвало.

– По-моему, детям уже достаточно, Лина, – со смехом заметил мистер Харлоу.

На картине мама пыталась передать те же ощущения, делая бесконечные эскизы в своей мастерской. Окончательный вариант в синей и серой гамме запечатлел момент между сумерками и ночью. Серый цвет воды бледнел в сравнении с темнотой утесов и исчезал в синеве ночи. Как будто можно было взять изображение в руки и встряхнуть, возвращая в фокус.

Много лет спустя я распечатала ее копии и повесила их на стены гостиных каждого дома, за которым присматривала. Мамина частица присутствовала во всех домах Ломанов, и об этом не знал никто, кроме меня.

Я смотрела на ее картину, не отрываясь, и с трудом сдерживала порыв так и поступить – протянуть руку и схватить ее. Мне хотелось удержать этот момент и встряхнуть, чтобы придать ему фокус. Дотянуться сквозь время и вцепиться Сэди в руку.

Пока не нашли записку Сэди, вопросы детектива Коллинза раз за разом возвращались к Коннору Харлоу, хоть его алиби и подтвердилось. Он был на вечеринке, никто не видел, чтобы он отлучался. И все-таки. Его заметили вместе с Сэди ранее на той же неделе. Сэди никому об этом не рассказывала. Как и Коннор, насколько мне было известно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.